

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «КАЗАНСКИЙ
(ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»,
В Г. ЕЛАБУГА

На правах рукописи

ИЛЬЯСОВ Рашид Флурович

**ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.11 – Социальная философия

Научный руководитель –
доктор философских наук, профессор
Сабиров А.С.

Елабуга-2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. ФЕНОМЕН ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ	10
1.1. Долженствование как основа регламентации социальной деятельности человека.....	10
1.2. Ценности долженствования в системе координат современного человека.....	39
II. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	60
2.1. Самоидентификация современной молодежи на фоне трансформации ценностей долженствования.....	60
2.2. Трансформация системы ценностей молодежи и ее влияние на отношение к воинскому долгу.....	84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	106
ЛИТЕРАТУРА.....	116

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется как насущными общественными нуждами, так и логикой развития самой социально-философской науки. Сегодня в российском социокультурном пространстве все острее ощущается потребность преодоления стереотипов и догм прежнего типа социальности, ликвидации разрыва между политической практикой и гуманистическими морально-этическими нормами. Такая потребность обусловлена необходимостью решения фундаментальных проблем современного общественного развития, которые тесно связаны с вопросами долженствования субъектов в процессе поиска социального консенсуса.

История знает немало периодов, когда особенно остро возникает необходимость в разработке мировоззренческих проблем. Они связаны не только с обострением социальных конфликтов, революционными ситуациями, но, главным образом, со стремлением общества к стабилизации. Именно в это время человек нуждается в ответе на такие вопросы, как: что есть долг и долженствование; в чем состоит социальная ценность императивов, к которым они апеллируют в мировоззренческом и инструментальном смыслах; носителем какой системы ценностей должен быть субъект социального действия.

Содержание современного этапа развития России характеризуется формированием новых общественных отношений, когда становится очевидной потребность субъекта в ясных и определенных социальных идеалах, позволяющих продуктивно позиционировать себя в структурах изменяющегося социального пространства. Такое обновление не должно привести к разрыву человека с миром культуры, к утрате значения человека как самоценности и цели общественного развития. В связи с этим

актуализируется проблема социального долженствования, которая рассматривается в этой работе с позиций социально-философского знания.

Социально-философский инструментарий позволяет раскрыть структуру, функции и сущность социальной деятельности человека выделить ее идеальные проявления и, вместе с тем, обозначить границы ее меры. Методологическая функция долженствования определяется пониманием того, что есть необходимый внутренний момент любой социальной деятельности - со сложной структурой и закономерностями развития, материальной и идеальной сторонами предметно-деятельностного бытия современного человека.

В социальной философии создан широкий спектр категорий для выражения сложного мира должного для его понимания, оценки, интерпретации и включения в ткань общественных отношений. Это, прежде всего, такие категории, как: «цель», «целеполагание», «ценность», «оценка», «смысл», «идеал» и т.д. В своей основе все они выражают ту или иную грань общей социально-философской проблемы долженствования. Каждая из них несет в себе часть человеческого смысла и социального измерения того, что есть и что должно быть. Вместе с тем, эти категории требуют своего дальнейшего анализа применительно к различным импликациям бытия субъекта с целью определения их значения и инструментального смысла в реальных структурах деятельности современного человека.

Наиболее остро проблемы долженствования проявляются в среде молодежи, сознание большинства представителей которой, в силу существенно изменившихся социальных условий, во многом уже свободно от ценностей и императивов долженствования, характерных для старшего поколения. Новые ценности, привносимые в сознание молодежи, оказываются далеки от апологетики долженствования прежних лет и чаще всего не ориентированы на продуктивные консолидированные действия.

Потеря такой идентичности становится серьезной социальной проблемой, чреватой многими непредсказуемыми последствиями. Именно поэтому проблема социально-философского анализа изменения ценностей долженствования современной молодежи представляется стратегически значимой и актуальной.

Степень теоретической разработанности проблемы. Социально-философская проблематика долженствования стала оформляться в истории философской мысли, начиная с периода античности. Различные аспекты решения проблемы долженствования в истории философии мы находим у Конфуция, стоиков, И.Канта, К.Маркса, В.Виндельбанда, З.Фрейда, В.Франкла и др. Обращение к анализу аксиологических оснований долженствования потребовало проработки ценностных концепций, представленных в трудах И.Канта, И.Фихте, Г.В.Ф.Гегеля, А.Шопенгауэра.

Дальнейшее развитие этой проблематики осуществляется в работах Р.Б.Перри, Дж.Дьюи. Общими для них являются утверждения о том, что источник ценностей – в биопсихологически интерпретированных потребностях человека, а сами они могут быть эмпирически фиксированы как специфические факты наблюдаемой реальности. Для представителей баденской школы ценность, наоборот, – это идеальное бытие, бытие норм, которые плохо соотносятся с эмпирическим сознанием субъекта. Будучи идеальными сущностями, ценности не зависят от человеческих потребностей и желаний, в связи с чем возникает проблема онтологической природы нормативного сознания и долженствования.

В рамках социологизма формулируются принципы неокантианского представления о ценности как норме, которые в дальнейшем становятся основой теории социо-рационального действия, разработанной М.Вебером. Позднее, в рамках структурно-функционального анализа Т.Парсонса, понятие «ценность» приобрело обобщенно методологический смысл как

средство выявления социальных связей и функционирования социальных институтов.

Значительный вклад в разработку теории ценностей и аксиологических детерминант субъектной деятельности был произведен в фундаментальных трудах отечественных философов, начиная с 60-х гг. XX столетия. Здесь, прежде всего, следует отметить работы М.С.Кагана, В.А.Лекторского, В.П.Тугаринова и других исследователей.

Анализ долженствования в системе социальных ориентиров человека в советской социогуманитарной науке представлен в трудах Л.П. Бугевой, И.С.Кона, А.Г.Мысливченко, И.Т.Фролова и других авторов.

Долженствование в системе ценностей современного человека получило отражение в социально-философских построениях Ж.Бодрийара, Э.Баумана, Э.Фромма, Ж.Липовецки и др.

Проблемы гражданского долженствования, отношения к воинскому долгу и социальные аспекты исследования института армии представлены в работах Р.Х.Галимуллина, И.И.Ефремова, С.В.Комуткова, М.М.Курочки, С.В.Филлипова.

Тем не менее, в рамках социальной философии проблема ценностных оснований долженствования современного человека остается недостаточно изученной, что и определило интерес к выбору объекта и предметной сферы анализа.

Объектом диссертационного исследования является долженствование как социальный феномен. **Предметом** - ценности долженствования современной молодежи.

Цель исследования - выявление ценностных оснований долженствования современной молодежи и факторов аксиологической детерминации субъектной деятельности. Эта цель обусловила необходимость решения следующих исследовательских **задач**:

- обоснования феномена долженствования как основания регламентации социальной деятельности современного человека;
- определения ценностей долженствования в качестве системы факторов, детерминирующих характер включенности человека в различные порядки социальной практики;
- выявления специфики и структуры процессов самоидентификации современной молодежи в контексте трансформации ценностей долженствования;
- обоснования тенденций изменения отношения современной молодежи к воинскому долгу в связи с трансформацией системы их ценностных ориентаций.

Методологической основой исследования явились труды классиков мировой философской мысли, работы отечественных и зарубежных философов и социологов. Определяющими для данной работы являются диалектический и предметно-деятельностный подходы, а также исторический и логический методы. Концептуально-теоретическая направленность диссертационного исследования потребовала привлечения материала из широкого спектра областей накопленного философского знания, в том числе из истории философии, а также новейших данных естествознания и общественных наук.

Научная новизна основных результатов исследования заключается в следующем:

1. обоснована методологическая функция дефиниции «долженствование» как атрибутивного признака существования любой деятельности, включающего материальную и идеальную стороны, объективное и субъективное, а также широкий спектр отношений, складывающихся в процессе социального взаимодействия. Соответственно, любое долженствование оказывается также идеей

- действия в случае принятия ценностно-ориентированного решения действующего субъекта;
2. аргументировано положение о том, что ценности – это отношение наших желаний, интересов и надежд к явлениям мира в аспекте их должного существования;
 3. доказано, что структура ценностей современного человека в значительной степени определяется позициями индивидуализма, который оказывает существенное влияние на изменение форм и ценностей долженствования, делая современные императивные принципы долга мало востребованными со стороны общества и поэтому неэффективными;
 4. обосновано, что в дисциплинарном пространстве армии позиция отдельного человека оказывается выключенной, оттесненной социальными практиками.

Теоретическое и практическое значение исследования.

Теоретическое значение работы состоит в том, что его результаты могут служить основой для дальнейшего философского или социологического исследования долженствования как феномена, определяющего характер социального действия индивида и его аксиологической детерминации.

Практическое значение работы заключается в том, что ряд ее положений может рассматриваться в качестве методологического основания для разработки стратегий и программ социализации молодежи как на региональном, так и на федеральном уровнях. Материалы диссертационного исследования могут найти применение в процессе преподавания философских дисциплин, а также при разработке спецкурсов для студентов вузов.

Апробация результатов исследования представлена публикациями основных идей диссертации, а также выступлений на международных, всероссийских, региональных и межвузовских конференциях,

проходивших в г.Елабуге, Ижевске, Казани, Набережных Челнах. Теоретические положения и выборочные результаты диссертационного исследования использованы в процессе преподавания общего курса философии студентам дневного отделения Набережночелнинского филиала НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ», а также чтения курса «Философия науки» в рамках двухуровневого процесса обучения.

Основные теоретические положения и выводы диссертации изложены в 8 публикациях автора, общим объемом 6 п.л.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, содержащих по два параграфа, заключения и библиографического списка, включающего 179 наименований источников. Общий объем диссертационного текста - 128 страниц.

I. ФЕНОМЕН ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

1.1. Долженствование как основа регламентации социальной деятельности человека

Главным принципом организации живых систем является то, что их структуры дифференцированы в соответствии с различными требованиями, которые им предъявляет внешняя среда¹. Человечество в отличие от животного мира организует свою деятельность на основе определенных нормативных принципов, структурирующих их деятельность, а также стандартизации значений объектов и ориентаций в мире человеческого опыта². Базовым из таких принципов является понимание необходимости совместных действий для удовлетворения потребностей членов этих социальных объединений.

Устойчивость социальных организаций зависит не только от материальных факторов (наличие территории и ресурсов для развития общественных связей), но также и от принципов регуляции ассоциированной деятельности, зафиксированной в виде норм. Последние исторически выступают в качестве основания для социальных регуляторов, таких как законы, мораль, насилие, политика и др. Таким образом, организуется нормативный порядок, обеспечивающий коллективные основания общества. В этой связи встает необходимость по отношению к тому или иному члену данного общества мотивировать его участие, включая сюда также его согласие с требованиями нормативного порядка³. Поэтому общество в своем развитии прибегает к миру смысла – осевому центру человеческого бытия, пытаясь актуализировать и

¹ Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. С. 791.

² См.: там же. С. 965.

³ См.: там же. С. 801.

утвердить различные нормы и ценности, поддерживающие устанавливаемый организационный порядок. Ибо уникальная *специфика человека и состоит в его способности и возможности ценностного отношения к миру, в способности восприятия социальных норм в качестве ценностей жизнедеятельности, обеспечивающих возможность согласования разнонаправленных интересов людей и консолидации их усилий.*

Существуют различные подходы к обоснованию ценностей. Мы присоединяемся к линии, согласно которой ценности являются специфически человеческими по своей природе и сущности⁴. Ценности создает сам человек, тем самым созидая себя в качестве человека. Утверждаемая антропогенность ценностей говорит о том, что они не могут быть выведены ни из характеристик более низких уровней бытия, ни из признаков более высоких его уровней.

Согласно Т.Парсонсу, ценности – это элемент, связывающий культурную и социальную жизнь, тогда как нормы в основном социальны и выполняют функцию регуляторов социальных процессов и отношений, но не олицетворяют принципов, которые были бы пригодны для социальной организации или даже для отдельной социальной системы... В обществах наиболее высокого типа структурным фокусом норм является юридическая система⁵. Таким образом, согласно Т.Парсонсу, ценности, относясь к миру смысла, включаясь в момент социального значения, образуют нормы.

Нормы могут быть представлены в виде образцов и эталонов, правил, зафиксированных в знаковых формах и в качестве схем деятельности и общения, «встроенных» в поведение человека. Нормы

⁴ Финогентов В.Н. Философия как мировоззрение человека разумного // Судьба философии в современном мире. Уфа, 2003. С. 38.

⁵ Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. С. 807.

могут относиться к внешним для человека объектам, к определенным ситуациям социального взаимодействия, а также к процессу индивидуального развития личности⁶. Нормы закрепляют условия воспроизводства социальных связей. Как отмечает В. Виндельбанд, система норм – это отбор из необозримого многообразия комбинаций, в которых могут проявляться соответственно индивидуальным условиям естественные законы психической жизни⁷.

Исторически первым способом трансляции норм являлись традиции (от лат. «tradare»-передавать). Традиция задается общению и деятельности людей как особого рода схема, переходящая из поколения в поколение, из опыта одного человека — в опыт другого, из одной личностной формы — в другую. Традиция движется во времени за счет того, что вбирает в себя существование людей. Традиционное общество является закрытым, замкнутым обществом, сберегающим нормы и стандарты своей культуры от воздействия и влияния со стороны других обществ и культур⁸. При этом сами традиции не следует воспринимать как нечто неподвижное: традиции со временем не только эволюционируют, но и подвержены резкому, внезапному изменению и трансформации⁹. Традиции характерны тем, что способны определять некие ценности и даже истины. Человек, следующий традиционному образу действий, не задается вопросом об альтернативных вариантах. Традиции являются руководством к действию, не вызывающим сомнений¹⁰. В архаических обществах традиции фиксировали моральные нормы, на основе которых осуществлялась социальная регуляция.

⁶ Социальная философия. Словарь / сост. и ред. В.Е.Кемеров, Т.Х.Керимов. М.: Академический Проект. Екатеринбург: Деловая книга, 2006. С. 301.

⁷ См.: Виндельбанд В. Нормы и законы // Избранное: дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 193.

⁸ См.: Парсонс Т. Указ. соч. С. 549.

⁹ См.: Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь мир», 2004. С. 57.

¹⁰ Там же. С. 58.

Другой формой трансляции норм является мораль. Мораль в отличие от других социальных регуляторов (закон, политика) опирается не на принуждение, а на «человеческое в человеке». С моральной точки зрения, человек сознает, что существует система предписаний, которые он должен выполнять и от которой он в большей или меньшей степени уклоняется в своем действительном волении или поведении¹¹, что и делает необходимым различные формы долженствования. *Понимание последних имеет различные вариации, но в конечном итоге являются производными от понятия «долг». В первом приближении заметим, что долженствование – это долг, рассматриваемый в процессуальном плане с позиций осуществления того или иного социального действия индивида.*

Не менее важной формой трансляции норм является право, основанное на законах. С точки зрения социальной философии законы характеризуются как существенные и устойчивые связи явлений, сводящих индивидуальные явления к повторяющимся через структурирование человеческих действий как подчиненных, находящих свободу в подчинении и смирении¹². Право, представляя собой систему принудительных мер, неразрывно связано с человеком и является результатом его разумной деятельности. Оно регулирует посюстороннюю, земную жизнь человека. При этом право – это абстрактная форма фактических социальных отношений, социальной жизни¹³. Оно является регулятором отношений в соотношении взаимных прав и обязанностей человека и общества, признавая, что их интересы могут не совпадать и рассматривает их в диалектическом русле¹⁴.

¹¹ См.: Виндельбанд В. Нормы и законы природы // Избранное: дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 185.

¹² См.: Социальная философия. Словарь / сост. и ред. В.Е.Кемеров, Т.Х.Керимов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. С. 154.

¹³ См.: Нерсисянц В.С. Философия права. М. Норма, 2003. С. 46.

¹⁴ См.: Исмагилов Р.Р. Правовой нигилизм и обоснование ценности права: социально-философский анализ. Дисс. канд. филос. наук. Уфа, 2006. С. 149.

И традиции, и моральные принципы, и правовые нормы, так или иначе фиксировали некие предписывающие нормы, которые могут быть обозначены как долженствование. Эти надличностные, общественные формы посредством моральных, а затем и юридических регуляторов требовали соблюдения определенных норм.

Доцивилизационная стадия развития человечества характеризуется тем, что общественное сознание еще не возвысилось до такой абстракции, как понятие долженствования. В первобытном обществе сознание почти не участвовало в регуляции поведения, так как оно было недостаточно развито для того, чтобы обеспечить сохранение коллектива, но, с другой стороны, достаточно развитым для того, чтобы исключить инстинктивные формы такой регуляции¹⁵. Однако попытки выразить долженствующую область без ее теоретического обоснования мы видим уже в неолитических религиях, которые, по представлениям людей того периода, определяли мир и являлись тем, что сегодня мы называем субъектом мира и рассматриваем как силу, принимающую решение о том, как *должно быть*. Другими словами, хотя речь непосредственно о таком принципе, как долженствование, а тем более о попытке его анализа, в этот период еще не шла, люди уже тогда пытались на практическом уровне выразить этот принцип и им руководствоваться. Именно в этот период возникли представление о божественном велении и о грехе как его нарушении, была осознана противоположность между естественным и «божеским порядком», что и обусловило возникновение проблемы свободы. *Долженствование, в этой связи, выступало связующим элементом между миром сакральных предписаний и социальной реальностью.*

Родо-племенное сознание еще в недостаточной степени оперировало такими понятиями, как «полезное», «ценное», предполагая в качестве мыслимого основания набор непреложных правил, которые фиксировались

¹⁵ Субботина Н.Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М.: КомКнига, 2006. С. 21.

посредством различных форм долженствований. В этой ситуации долженствование играло важнейшую роль в структурировании социальных отношений доцивилизированных обществ.

Если же говорить о цивилизованных обществах, характеризующихся наличием письменной культуры, развитием ремесла и появлением городов, то в них моральные долженствования распространялись в значительной степени в форме «договора», «завета» людей с Богом. При этом если боги берут на себя определенные формы долженствования, то и человек должен отвечать соответствующим образом. Вспомним в этой связи древнеримское обращение к богу: «Do ut des» (Даю, чтобы ты дал).

Во всех этических учениях Древнего мира проблема долженствования присутствует тогда, когда мыслители рассуждают о Боге, государстве, предназначении человека, о смысле его жизни, о добре и зле, о красоте, о свободе и т.д. Так, например, в конфуцианстве долженствование выражается посредством слова «взаимость». По мысли Конфуция, «взаимость» является основным выражением и обобщением глобальной этики и осуществляется посредством принципа: «чего не хочешь для себя – не делай другим»¹⁶. При этом необходимо заметить, что «золотое правило» этики возникает намного позднее, чем долженствования в безусловной форме¹⁷. Аналогичное понимание долженствования присутствует и в индуистских писаниях.

В некоторых древних цивилизациях феномен долженствования выражался в формах, кажущихся для современного человека причудливыми. Так, древние ацтеки считали, что если прекратятся человеческие жертвоприношения, то солнце перестанет светить. Такие ментальные представления обуславливали человека того общества постоянно исполнять воинский долг, с целью регулярного захвата

¹⁶ Конфуций. Беседы и суждения. СПб.: ООО «Кристалл», 1999. С. 660-661.

¹⁷ Дробницкий О.Г. Моральная философия. М.: Гардарики, 2002. С.332.

пленников для их последующего ритуального заклания. При этом если воин умирал во время битвы, его смерть имела тот же смысл, что и ритуальное заклание: она также должна была удовлетворять ненасытных богов¹⁸.

Среди отчетливо выраженных примеров применения категории долженствования в античности следует выделить интенцию, представленную Гиппократом и представителями его школы, которые определили этический устав медика, высокую планку морального долженствования как основную его характеристику¹⁹.

Весьма близко к отчетливой формулировке принципа этического долженствования подошел и Демокрит, который акцентировал внимание на личностном характере моральных механизмов, подчеркивал огромную роль субъективной мотивации. Он вводит в этику понятия стыда и долга как внутренних регуляторов поведения человека²⁰.

Значительная роль в развитии представлений о долженствовании принадлежит Сократу, даймоний которого представляет собой императивный голос совести²¹. В трактовке Сократа, даймоний является, наряду с интеллектом субъекта, одной из главных форм и детерминант долженствования.

Развивая взгляды Сократа, Аристотель сформулировал т.н. телеологическое долженствование, предполагающее, что от действий человека зависит его благополучие, причем само понятие блага лежит в основании морали – это моральное долженствование. Долженствование, таким образом, заключалось в необходимости следования некоему благу.

¹⁸ См. подробнее: Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 135.

¹⁹ Антисери Дж., Реале Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. С. 90.

²⁰ См.: Лурье С.Я. Демокрит: тексты, перевод, исследования. Л.: Наука, 1970. С. 84, 101, 604.

²¹ Нерсисянц В.С. Сократ. М.: Наука, 1980. С. 71.

Важное значение категория «долженствование» занимает и в стоической философии. Долженствование, согласно стоикам, относится к классу действий, смысл которых полностью детерминирован содержанием природных вещей²². Понятие «*kathekon*» в стоической этике выступает аналогом современных понятий долженствование и долг²³. Действия человека, выверенные мировым логосом, согласованные с природой, а, значит, рационально корректные — как морально совершенные, у стоиков и покрывают семантические поля понятия «долженствования».

Сфера должного, согласно стоикам, задана первичной склонностью и распространяется на все живое,²⁴. Данная позиция базируется на априорном признании приоритета бытия перед ничто²⁵. Разработка стоиками понятия долженствования внесла в западную духовную традицию вклад огромного значения. Возможно, данный стоический термин пришел из семитского духовного наследия через Зенона Китионского посредством наложения понятия «поведения» на греческое понимание физиса, однако принцип долженствования неизбежен в любой этической системе, ибо никакая этика не мыслима без императивов²⁶.

²² Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: «Ками Групп», 1995. С. 195.

²³ Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Зенон и его ученики. С. 93-96.

²⁴ См.: Диоген Лаэртский. VII, 107. (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: «Танаис», С. 305).

²⁵ При этом жертвование собственной жизнью ради спасения другого человека, принесение ее в жертву Отечеству также могут считаться как выбор в пользу бытия, см.: Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 109.

²⁶ Столяров А.А. Указ. соч. С. 183; Ср. с: сознание долга есть общезначимый принцип морали. См., например: Виндельбанд В. О принципе морали // Избранное: дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 231-253. Мы исходим из того, что инструкции могут быть выражены в императивной и индикативной форме (повелительном и изъявительном наклонении). К классу императивных предписаний также относятся угрозы, предупреждения и советы, см.: Макинтайр А. Императивы, причины действия и этика. Логос, 2008. № 1. С. 138-149.

Итак, долженствование у стоиков - это то, что направлено на сохранение и воспроизведение жизни²⁷. В позднем стоицизме принцип долженствования приобрел отчетливые черты саморегуляции поведения человека. Так, в трактате «О гневе» Сенека ясно осознает недостаточность и даже отмечает подчиненность правовой сферы регулирования общественных отношений нравственной сфере: «...что за узкая невинность быть добрым лишь с точки закона! Насколько правила долга шире, чем правила права!»- восклицает древнеримский стоик²⁸. Итак, именно в древнеримском стоицизме человек осознанно направляет долженствование на самого себя, становясь одновременно субъектом и объектом этого процесса.

Позднее, в период рубежа тысячелетий, человек начинает оцениваться не столько по своему общественному поведению или официальному признанию, сколько по тому содержанию личности, которое оставалось за вычетом этого поведения и признания²⁹. Древнеримская стоическая философская мысль формулирует, таким образом, внутреннее долженствование, посредством которого, например, Марк Аврелий руководствовался в управлении древнеримским государством³⁰.

С нашей точки зрения, именно древнеримские стоики знаменуют своим учением тот этап, когда человек сам получает возможность формулировать свое отношение к общественным долженствованиям и даже отрицать их, заменяя теми формами, которые исходят от него самого, его ценностных ориентаций. При этом следует признать, что данные

²⁷ См., например: Столяров А.А., Указ соч. С. 195; Гусейнов А.А. Античная этика. М.: Гардарики, 2003. С. 220.

²⁸ Сенека Л.А. О гневе. О гневе II, 28 // Сенека Л. А. Философские трактаты. СПб.: «Алетейя», 2001. С. 103.

²⁹ См.: Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М.: Наука, 1981. С. 114.

³⁰ См. подробнее: Марк Аврелий Антонин. Размышления. Л.: «Наука», 1985. С. 246.

принципы в имплицитном виде выступали базисным и для античной цивилизации в целом. Именно в античности впервые в истории европейской цивилизации произошло твердое осознание гражданских долженствований человека. Античность (вначале греческая, а затем и римская) твердо усвоила, что если, к примеру, гражданин полиса самостоятельно не защитит свою Родину, никто этого за него не сделает.

Здесь акцент делается на отношении к себе, на личностном долженствовании, не позволяющем увлечь себя желаниям и удовольствиям, а заставляющем сохранять перед ними самообладание и превосходство и достигнуть такого способа бытия, которое может быть определено как владение самим собой.

Таким образом, *если человек применяет долженствование к самому себе, то мы приходим к понятию внутреннего долга, для которого ответы на вопросы: «что делать?» и «каким образом?» - совпадают. На основе индуктивного опыта и работающих в конкретном обществе канонов человек выстраивает абстрактный эталон себя. Он стремится с помощью этого пережить определенный род состояний сознания, в которых заключается смысл его жизни. Получается взаимообусловленная структура: с одной стороны, человек настраивает свою волю в соответствии с абстрактной, с другой стороны, для него смыслом или источником жизнедеятельности является само это соответствие. Такой путь ведет к категорическому императиву И. Канта, который является выражением не зависящего от канонов долженствования принципов применительно к поведению человека. Здесь важно отметить, что термин «категорическое» у И. Канта означает суждения, не содержащие в себе никаких условий или альтернатив, только однозначную связь понятий, а идею долженствования вмещает термин «императив».*

Продолжая ретроспективный анализ интенций долженствования, отметим, что в раннем христианстве как идейной системе, во многом

обусловившей отход от античного мироощущения, долженствование выражено посредством упоминавшегося выше «золотого правила» в этике Иисуса Христа: «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Данный принцип долженствования составил одну из основ христианской этики.

Средневековая европейская мысль находилась под воздействием христианства, которое наделяло своих верующих чувством зависимости и долженствования по отношению к Богу. Средневековый человек, таким образом, полагая, что конечная цель существования находится за пределами человеческого существования, ощущал себя зависимым от божественной воли, что определяло его ценности долженствования, которые выражались в необходимости принимать за истинное все то, что написано в Святом писании и повиноваться велениям тех, кто выступал наместником Бога на земле (церковь, феодалы).

Христианство предложило т.н. законнический тип долженствования, в основании которого божественные установления, а сами моральные правила обладают статусом, аналогичным законодательному. Такой тип долженствования восходит к стоикам и Торе. Вследствие доминирования христианства на протяжении многих столетий понятия «быть обязанным», «быть дозволенными» или «быть прощенным» глубоко укоренились в нашем языке или наших мыслях. Кроме того, законническая этика постулирует: то, что нужно для добродетели, апеллируя к божественным законам, и отсутствие этого указывает на то, что некто является плохим человеком. Разумеется, человек может придерживаться подобной концепции только в том случае, если верит в то, что закон дается Богом.

Таким образом, именно христианство в рамках, прежде всего, Западной цивилизации, заложило основы императивных регуляторов, значение которых для современного общества несомненно и существенно.

Наконец, обращаясь к концепциям, в предметную сферу которых был непосредственно включен феномен социального должностования, необходимо апеллировать к философской системе И. Канта. Здесь мы видим, что проблема должностования становится уже прямым и непосредственным объектом анализа. Более того, должностование образует центральный пункт философии Канта, его учения о практическом разуме. В нем должностование выступает формой выражения императива: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты можешь желать и делать соответствующие поступки, чтобы она стала всеобщим законом».³¹ Эта позиция впоследствии ведет к осознанию того, что личность и общество являются подлинными субъектами, принимающими решение о том, как должно быть, что является существенным прорывом на ее пути к свободе.

Должностование, согласно И.Канту, характеризует человека как свободное существо и общество как результат взаимодействия личностей. При этом вера в силу этического закона основывалась на убежденности о существовании доводов, которые каждый человек, будучи разумным, не может не принять³². Такая вера составляет основу идеологии Просвещения, основные принципы которой критикуются современными интеллектуалами³³. Недостатком логики И.Канта, по мнению З.Баумана, является то обстоятельство, что в ней не остается места для человеческих интересов и общественных институтов, функция которых противоположна ожидаемой от них в кантианской моральной философии³⁴. Таким образом, показывается некое несоответствие применения кантианской трактовки

³¹ См.: Кант И. Основы метафизики нравственности. Сочинения в шести томах. М.: «Мысль», 1965. Т. 4. ч. 1. С. 219-311.

³² Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 233.

³³ См., например: Грэй Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2003; Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб.: «Медиум», «Ювента», 1997.

³⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 234.

долженствования к социальному бытию современного человека, что, впрочем, вполне естественно, если учитывать череду существенных трансформаций, произошедших в сфере развития социальности.

Диаметрально отличные от классиков немецкой классической философии трактовки долженствования приобретают у Ф. Ницше, который призывал к элиминации из социальной жизни человека феномена общественного долженствования, многочисленные формы выражения которого, в его понимании, приводят только к осознанию вины, ответственности, некоего суда. Отчетливо ницшеанский отказ от долженствования просматривается в его высказывании «Бог умер»³⁵, что, учитывая ту огромную роль, которую христианство на протяжении многих веков играло в императивном регулировании социальной деятельности человека европейского общества, по сути, означало отказ от Бога моралистов и проповедников и выражало стремление к новому идеалу, свободному от всякого, в том числе и религиозного долженствования.

Совсем иной подход к решению данной проблемы мы видим в марксистской концепции. К.Маркс развивает представления идеи Г.Ф.В.Гегеля, применившего «долженствования» к истории. Маркс, анализируя социально-экономические отношения при капитализме, формулирует форму долженствования в экономике через принуждение человека к труду. При этом К.Маркс и Ф.Энгельс полагали, что человеку для того, чтобы жить, необходимо трудиться: представления о том, каким должен быть мир, оказываются ядром будущей идеологии, где доминанта «общественного должного» полностью нивелирует социальность самого человека³⁶.

³⁵ См.: Ницше Ф. Веселая наука Сочинения в 2 т.М.: Мысль, 1990. Т. 1. С.662.

³⁶ См.: Маркс К. Капитал. Том первый. Книга I: процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Издательство политической литературы 1960. Т. 23

Столь же рельефно доминанта должного представляется и в трудах З.Фрейда, правда, на основе совсем иных методологических оснований. Этот феномен проявляется посредством такого пласта человеческой психики, как «супер-эго», который вмещает в себя совокупность общественных предписаний человеку и которые своими императивами долженствования репрессивно воздействуют на личностную социальность.

Оригинальную трактовку долженствования дает В.Франкл, согласно которому, человек, принимающий действительно нравственные решения, делает это не для того, чтобы успокоить угрызения совести своего «сверх-Я»³⁷. У В.Франкла бессознательное, или «духовное бессознательное» – не источник желаний, движущий человеком, как это виделось З.Фрейду, но неосознаваемый императив долженствования, схожий с пониманием феномена совесть.

Обобщая весь массив подходов к категории «долженствование» в истории философской мысли, можно заметить, что если *телеологическое долженствование предполагает, что от действий человека зависит его благополучие, причем само понятие блага лежит в основании морали – уместно говорить о моральном долженствовании, тогда как законническое долженствование, напротив, постулирует то, что моральные правила обладают статусом, аналогичным законодательному, и поэтому должны неукоснительно соблюдаться.*

Доминирование в европейском сознании законнического типа долженствования привело к тому, что обычные (и неустранимые) термины «следует», «нужно», «должно», «должен» приобрели этот особый смысл, будучи отождествленным в соответствующих контекстах к терминам «обязан», «принужден» или «требуется» в том смысле, в каком некто может быть обязан или принужден законом или нечто может требоваться по закону.

³⁷ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 97.

Таким образом, вышеотмеченные типы долженствования предполагают различных субъектов этого процесса. Но, *если телеологическое долженствование предполагает в качестве субъекта самого человека, то законническое долженствование транслирует предписания извне, существенно сужая возможности для того, чтобы человек стал его субъектом.*

Учитывая эти обстоятельства, М.Фуко имплицитно на понятие морали, акцентируя внимание на его двусмысленности. Под моралью может пониматься «...совокупность ценностей и правил, которые доводятся до индивидов различными предписывающими аппаратами»³⁸. Однако моральным можно считать и «...соответствующее отношение индивидов к правилам и ценностям, которые им предлагаются»³⁹. Ибо человек, обладающий высокоразвитым моральным сознанием, становится способным не только следовать долженствованиям извне, но и самостоятельно осваивать общественные императивы, вырабатывать для себя программу действий, определенным образом оценивать и уяснять смысл действующих в обществе императивов⁴⁰.

Характерно, что М.Фуко весьма критично настроен по отношению к христианству⁴¹, видя в нем истоки дисциплинарного общества. Он отмечает, что модель дисциплинарного общества имеет аналогии с христианскими монастырскими общинами⁴². «Дисциплинарное общество» в его трактовке предполагает подмену «Я-сингулярности», обладающей собственной интенсивностью, «Я-формой», внешне, снаружи

³⁸ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Изд. Дом «Касталь», 1996. Т. 2. Использование удовольствий. История сексуальности С. 297.

³⁹ Там же. С. 297.

⁴⁰ Дробницкий О.Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974. С. 27.

⁴¹ Фуко М. Указан. соч. С. 285-286.

⁴² См.: Там же, С. 218.

определенной⁴³. Происходит изъятие собственной воли «Я» как события, и на ее месте начинают разворачиваться «...совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела»⁴⁴. Все это свидетельствует о том, что в концепции «дисциплинарного общества» М.Фуко позиция отдельного человека оказывается выключенной, оттесненной законническими формами долженствованиями, некоторые из которых остаются широко распространенными и в современном российском обществе.

Таким образом, анализ основных типов долженствования в рамках широкого поля социально-философских концептуализаций свидетельствует о том, что атрибуция долженствования может быть как внешней (с точки зрения общества), так и внутренней (с точки зрения собственного «я»). По содержанию требований, предъявляемых к человеку как носителю долженствования, она может и не различаться: например, добросовестный труд есть одновременно общественная обязанность и нравственный долг. Но в первом случае подразумеваемым субъектом социального контроля и атрибуции является общество, коллектив, а во втором – сам человек. С точки зрения самосознания, это субъектное различие – перед кем человек отвечает за свои действия – существенно: в первом случае речь идет об обязанности, во втором – о нравственном долге⁴⁵.

⁴³ См.: Осика Ю.Л. Насилие: опыт тематизации за пределами микрофизики власти // Революция и современность. Сборник, посвященный памяти доцента кафедры социальной философии и философии истории Почепко В.А. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 151.

⁴⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 43.

⁴⁵ См.: Кон И.С. Человек в поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. С. 305.

Далее необходимо заметить, что включение категории «долженствование» в проблемное поле социально-философского знания позволяет аргументированно раскрыть структуру, функции, приоритетные направления жизнедеятельности человека и ее идеальные (желаемые) формы. Указанное понимание *долженствования*, с нашей точки зрения, характеризует этот феномен как *один из важнейших способов взаимодействия социальности человека и общества*.

Методологическая функция долженствования, на наш взгляд, следует из понимания этой категории, согласно которому долженствование есть необходимый внутренний момент существования деятельности, обладающий сложной структурой и закономерностями своего развития. Как таковой, он включает в себя материальную и идеальную стороны, объективное и субъективное, а также широкий спектр отношений, которые складываются в процессе субъект-объектного взаимодействия в обществе.

Как было показано выше, во многих философских системах представлена богатая палитра смысловых оттенков для выражения этого сложного мира должного, для его понимания, оценки, интерпретации и включения в ткань общества⁴⁶. Это такие категории, как цель, целеполагание, ценность, оценка, смысл, идеал и т.д. В своей основе все они выражают ту или иную грань общей социальной проблемы долженствования. Каждая из них несет в себе часть человеческого смысла

⁴⁶См.: теорию Т.Парсона о структуре мотивов и ценностях социального действия (Парсонс Т. О структуре социального действия. М: Академический проект, 2002); М.Вебера о целе - и ценностно-рациональном действии (Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М.Вебер. Избранные произведения. М., 1990); П. Бурдьё о габитусе класса и действии (Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М: «Алетейя», 2005); А.Швейцера о ценностях культуры (Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. М: Прометей, 1993); А.Веллмера о ценностях свободы (А.Веллмер Модели свободы в современном мире // Журнал «Социологическое обозрение» [Электронный ресурс] <http://www.sociologica.ru>); Н.Лумана о императивах должного в стохастичном мире (Луман Н. Понятие риска» [Электронный ресурс] <http://www.sociologica.ru>) и т.д.

и социального измерения – оценок того, что есть и что должно быть. Вместе с тем, эти категории требуют своего анализа в системе долженствования с целью определения их значения в условиях современной социальной деятельности, так как долженствование исторически и генетически связано с деятельностью, и, следовательно, с различными ее видами, в каждом из которых проявляется его специфика. Любая деятельность, связанная с установлением некоторых нормативов, так или иначе, сталкивается с понятием долженствования.

Долженствование всегда связано с двумя важнейшими моментами: наличный предмет, который предстает таким, каким он есть, и эталон его представления людьми, т.е. каким он (предмет) должен быть. Помимо этого, имеется различная степень уверенности в том, что должно быть так, а не иначе. Эталон и степень уверенности напрямую не связаны друг с другом: мы можем изменить свою точку зрения в том случае, если мы узнали о мире что-то новое и его сущность видится нам иначе. Тогда перемены происходят либо с самим эталоном, либо со степенью уверенности в том, что он правилен. Эталон всегда привязан к некоторому предмету, который может реально встретиться, и без которого он немыслим. Он представляет собой объект той же сущности, что и рассматриваемый предмет, но реально может и не существовать. При этом эталон не содержит в себе никаких качеств помимо тех, которые требуются для наилучшего служения смыслу или полностью соответствуют представлению о сущности. Он является чистой идеей, которая приблизительно реализуется в наличных предметах.

Таким образом, долженствование имеет следующую структуру: к некоторому предмету, который реально возможен, привязывается абстрактный эталон этого предмета, причем связь между ними имеет количественную природу и отражает степень уверенности в том, что представление о долженствовании верно. В случае с запретом эта связь

имеет обратную направленность, а если имеет место разрешение, то подразумевается отсутствие связи предмета и эталона. Направленность, аттрактивность отражает то, что когда предмет соответствует своей сущности, он ориентируется в своем развитии по направлению к эталону, а если не соответствует – от него. Это направление определяет воля субъекта. При этом ни предмет, ни его абстрактный эталон сами по себе не являются частями долженствования: собственно долженствование – это только связь, но чтобы она появилась, необходимо то, что она связывает. Это видно из того, что и эталон, и предмет могут существовать сами по себе и быть совершенно различными, в то время как долженствование всегда конкретно и поэтому является лишь относительной связью. Такая относительность и обуславливает возможность не только аттрактивного развития предмета и коррекцию признаков эталона, но и очевидное изменение самих порядков долженствования в процессе социального бытия человека.

При этом всякое долженствование выражает необходимость действия и может иметь двоякое значение. Я должен либо делать что-то (в качестве средства), если я хочу чего-то другого (в качестве цели), либо должен непосредственно делать и осуществлять нечто другое (в качестве цели). Первое можно назвать необходимостью средств, второе — необходимостью целей. Первый вид необходимости не указывает на какую-либо обязанность, а содержит только предписание, как разрешить некую проблему; какими средствами мне надлежит пользоваться, если я хочу достигнуть определенной цели⁴⁷.

Итак, *любое долженствование осмысливается нами как идея некоего действия и, в случае принятия этой идеи – в соответствии с одними желаниями и решениями и вопреки другим – само становится решением.* Однако очевидно и противоположное утверждение: человек не может

⁴⁷ Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб: Книга Света, 2000. С. 211.

существовать в обществе, не имея долженствований. Пока он думает, его мысли имеют определённый ход, и значит чем-то и куда-то направляются. Нам непрерывно нужно действовать, нам нужны долженствования, причём конкретные. Но вывести их с помощью формальной логики невозможно. Здесь необходимы апелляции к внешней среде, к социуму, который и устанавливает нормативы долженствования.

В обыденной речи мы говорим «категорическое», уже подразумевая долженствование. Это может быть объяснено тем, что смысл всего, на основании которого мы можем осознать долженствование, не подчинен никакой цели, а представление о сущности, которое мыслится как абстрактный эталон, хотя и может меняться, но, как правило, чаще постоянно. Здесь речь идет о непреходящих ценностях и соответствующих им формах и порядках долженствования. Но в повседневной жизни мы не так часто обращаемся к данным ценностям, ибо они скрыты социальным фоном реальности, ставящей перед нами массу мелких проблем, решение которых осуществляется через посредство ценностей гораздо меньшего масштаба. Мозаичность этих ценностей и соответствующих устремлений человека порой нивелирует базовые императивы и провоцирует формирование гипертрофированных форм долженствования. При этом необходимо иметь в виду, что широкий спектр ценностных ориентаций у современного человека нередко обуславливает ситуации, когда один вид долженствования конфликтует с другим.

Итак, мы выделили *основные составляющие долженствования: каково по сути, для чего нужно и что требуется*. Представление о сущности ни возвышает, ни уничижает вещь, отражая лишь то, какова она в принципе. Смысл возвышает вещь над собой, так как она служит чему-то еще, что принимается во внимание сверх ее сущности. При этом рассматривается «для чего», т.е. функция всей вещи, а не ее отдельных свойств. И, наконец, в этой структуре выделяется желаемое состояние

вещи – «абстрактный эталон, прототип», на основе которого строятся реальные модели долженствования.

В этой триаде заключено формальное единство соответствия, превышения и уступания, поэтому прочие модусы долженствования рассматривать не обязательно, так как они не являются базовыми. Смысл является высшим и основным компонентом долженствования, так как сочетает в себе качества двух других. Проведенный анализ, на наш взгляд, показал, что долженствование может быть осознано как нечто объективное благодаря познанию человеком социального мира и действующих в нем канонов (идеалов), обусловленных соответствующими ценностями, которые утвердились в обществе в тот или иной исторический период.

Во всех ценностях выделяется аспект долженствования. У некоторых этот аспект разрастается до яркой и убедительной определенности и именно эти ценности выступают источником долженствования, определяя поведения людей и собственную структуру их ценностных ориентаций, а, следовательно, характер и направления жизнедеятельности. Можно утверждать, что *ценности - это отношение наших желаний, интересов и надежд к явлениям мира в аспекте их должного существования. Иначе говоря, ценности есть явления (предметы, свойства, отношения), имеющие то или иное отношение к развитию человеческого в человеке, к функционированию должного в структуре социального бытия.*

Мы имеем основания назвать ценностью некоторое совершенство, идеальную модель, некое деонтологическое «как должно быть», то, что направляет любое человеческое действие; такое именование оправданно по крайней мере, двумя обстоятельствами: во-первых, оценивая человеческие действия, мы обычно прибегаем к понятиям «хорошо» и «плохо», которые сами по себе есть наиболее общие и типичные ценностные предикаты; во-вторых, мы так же привычно говорим о том, что результат действия имеет огромную или малую ценность, либо вовсе

не имеет никакой ценности, в зависимости оттого, как далеко отстоит этот результат от конкретного «совершенства», о котором идет речь в данном случае.

Человек предполагает свою цель, представляет ее наперед, и его действия оцениваются по тому, насколько они ведут к этой цели, по степени совершенства, определяемой с помощью этих оценок. Вот почему человек получает возможность пользоваться идеальными объектами так, что некоторые из них могут стать для него целями и ориентирами действий. Вот почему все реальные человеческие действия являются интенциональными, в смысле достижения некоторого, более высокого уровня целедостижения, что дает человеку возможность определять еще не существующее положение вещей и принимать решения, воплощающие при своей реализации возможность в действительность, руководствуясь при этом определенными критериями совершенства в достижении данной цели. Таким образом, благодаря долженствованию, мы можем установить различие между простой целенаправленностью и реальным ценностно-ориентированным действием или поведением⁴⁸.

Предметно-деятельностный подход к долженствованию предполагает рассмотрение этого феномена как момент деятельности и социальных отношений. На этом уровне долженствование функционирует в форме представлений, в которых люди осознают свои социальные действия и отношения. Объективно существующие взаимосвязи долженствования осознаются человеком в виде внешних по отношению к нему ситуаций и связанных с ними сил, которые обуславливают ценности, идеалы и нормы, адекватные специфике сложившейся ситуации. Они, в свою очередь, в процессе осуществления деятельности, приобретают статус социальных императивов, обуславливая процесс целедостижения

⁴⁸См.: Агацци Э. Человек как предмет философии. Вопросы философии. 1989, № 2. С. 26-28.

средствами кооперированной деятельности. Таким образом, человек погружается в силовое поле объектов-значений (социальных императивов), которое подчиняет его своей логике, диктует ему, как он должен себя вести. И чем больше человек погружается в созданный им мир, тем больше его жизнь определяется многообразными понятиями о том, каким должен быть он сам и этот мир.

Значит, основными признаками социального долженствования, с нашей точки зрения, могут выступать: императивность – требование определенного поведения, выполнение предписаний морали; нормативность – регулирует отношения людей в обществе; оценочность – определение степени соответствия (несоответствия) отношений, взглядов и поступков людей тем нормам и ценностям, которые существуют в обществе в качестве морально-положительных.

Ценности, оценки, нормы, смыслы и т.д. – все это совокупность того, что обозначается понятием долженствования, во все возрастающей мере определяет человеческую личность, общественные отношения и организации, субъективный мир людей. Поэтому функционирование общества невозможно без понятия о должном. В то же время эти понятия, цели и оценки выступают в форме симулякров, которые генерируются социальной средой (организационным порядком, сложившимся в ней) и самим человеком в зависимости от степени его включенности в те или иные организационные структуры и систему социальных отношений в целом. Эти «постидеальные» образы⁴⁹, как правило, и составляют структуру долженствования человека повседневного, которая далеко не всегда корректна по отношению к рассмотренным базовым императивам.

Социально-философский инструментарий, а именно, взятый нами на вооружение предметно-деятельностный подход позволяет

⁴⁹ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. С.111-167.

конкретизировать эту элементную структуру и выделить в ней следующие компоненты.

Первый из них связан с целеосознанной конструктивной деятельностью человека и обслуживает ее, придавая ей социальную значимость. Второй элемент включает в себя представления о должном и связан с человеческими отношениями, которые осуществляются на различных уровнях общественного производства – от обыденного общения до реализации всех уровней производственных отношений. Третий – связан с необходимостью предвидения реакции социальной среды на результат деятельности и на ее процесс. Этот компонент рассматриваемой структуры обеспечивает неконфликтное позиционирование субъекта в социальной среде, что и обеспечивает его включенность в систему общественных отношений. И, наконец – это широкий спектр оценок человеком различных явлений действительности с позиций должного, с позиций существующего идеала и его возможной динамики. Здесь мы фиксируем в том числе и конъюнктурную компоненту долженствования, благодаря которой социальный субъект сохраняет свою устойчивость, апеллируя к «правильным» симулякрам.

Таким образом, в долженствование включаются потребности и интересы, цель и целеполагание. При этом целеполагание выступает формой, объединяющей все структурные элементы долженствования. Оно всегда присутствует в человеческих действиях как тенденция, как существенная, устойчивая характеристика элементов этих действий, т.е. направленность всякого действия субъекта на реализацию идеального образа предмета преобразования, определяемая потребностью.

Однако, несомненно, что центральным элементом структуры долженствования является субъект как воплощение творческой силы. Именно субъект создает долженствование как мир субъективности, который через результаты деятельности затем объективируется в

предметный мир. В субъекте, через его посредство, в процессе его деятельности, долженствование, как возможность, перерастает в действительность, представая в форме необходимости. Следовательно, долженствование – это, в первую очередь, мир субъекта (потребности, интересы, цель и целеполагание, средства, ценности, предмет и т.д.). Субъект, как деятельное существо, обладающий сущностными силами, создает и мир субъективности и мир объективности. Субъектом определяется и объективность, и субъективность, синтез которых находит свое выражение в целеполагании.

Размышление о том, каким должно быть мое должное, является моральным самосознанием. Это и есть то, что называется совестью, главным стержнем любого человека, вокруг которого складывается долженствующая система ценностей, норм, идеалов и т.д. Совесть, как было отмечено выше, является, наряду с интеллектом, одной из главных форм и детерминант долженствования.

В долженствовании, как показывает анализ его структуры, находит свое выражение активное, творческое отношение человека к действительности, проявляющееся не только в осознании объективных законов (объективность), но и в сознании как творящей силе субъекта (мир субъективности). Мир субъективности как результат деятельности и долженствования объективируется в ее предметах, создавая мир объективности как предметный мир. Следует подчеркнуть, что субъект, как творческая и творящая сила, тесно связан с идеалом как представлением о должном, которое находит свою реализацию в объективации, как процессе создания предметного мира⁵⁰. Так, согласно либеральной аксиологической концепции, ценность действующего (позитивного) и реально наличного определяется по единому основанию и

⁵⁰ Нагапетян Е.Н. Социальная концепция долженствования в эстетической деятельности. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. соц. наук. Омск, 2006. С.14-15.

критерию, а именно с позиций правовых ценностей. Причем речь идет именно о правовых ценностях (в их формально-юридических значениях и определениях), а не о моральных, нравственных, религиозных и иных. Ведь только таким образом определенные правовые ценности — в силу абстрактной всеобщности права (принципа формального равенства, правовой формы отношений) — носят по определению всеобщий и общезначимый характер.

Право тем самым в своем аксиологическом измерении выступает не как носитель моральных ценностей, а как строго определенная форма именно правовых ценностей, как специфическая форма долженствования, отличная от всех других (моральных, религиозных и т.д.) ценностных форм. Поэтому такая качественно определенная форма долженствования предстает не только в смысле общеобязательности, властной императивности и т.д., но и в смысле объективного долженствования⁵¹.

Данная концепция трактовки фундаментальных ценностей человеческого существования (равенства, свободы, справедливости) в качестве основных моментов формы долженствования четко очерчивает и фиксирует ценностный статус права (круг, состав, потенциал права как ценности, специфику права как ценностно-должного в общей системе ценностей и форм долженствования). С этих позиций может определяться ценностное значение всех феноменов в корреспондирующей и релевантной праву (праву как должному, как цели, как основанию требований, источнику правовых смыслов и значений) сфере сущего.

Рассматривая соотношение законов и правил социального развития, можно констатировать, что жизнедеятельность общества в целом осуществляется в соответствии с объективными закономерностями, определяемыми законами природы. При этом объективные законы

⁵¹ Нарсесянц В.С. Право и государство. М.: «Инфра-М», 1999. С.79.

развития общества, в принципе, тождественны законам функционирования любой системы. Вместе с тем, необходимость решения внутрисоциальных проблем, связанных с самосохранением общества, регулированием и охраной отношений, складывающихся между людьми, приводит к принятию позитивных правил (права), имеющих значимость и гарантируемых только в рамках локальной в историческом разрезе социальной общности.

Объективным является порядок, в соответствии с которым первичные правила поведения складываются непосредственно в ходе общественных отношений. При этом простота отношений предполагает их упорядочение при помощи системы саморегулирования (правила долженствования устанавливаются сами субъекты, которые выступают одновременно в качестве гарантов их реализации). Усложнение отношений приводит к тому, что правила, определенные путем саморегулирования, утрачивают возможность эффективного регулятивного воздействия. На смену им приходят формы долженствования публичного характера, принимаемые в специальном порядке компетентными лицами (профессиональными управленцами) и распространяющие свое воздействие на всех членов сообщества. При этом утрачивает значение сам факт субъективного отношения к правилу со стороны отдельного члена сообщества. Так формируется «объективная» по отношению к исторически сложившемуся социальному порядку система долженствования, которая подлежит изменению при смене оснований данного порядка и провозглашения иных социальных ценностных императивов.

Вместе с тем возникает необходимость в определении первичных понятий, принципов, институтов регулятивной деятельности, при помощи которых люди могут уяснить для себя содержание общезначимых правил и тем самым обеспечить реализацию индивидуальных (субъективных), групповых (корпоративных) и общесоциальных (публичных) интересов.

Данная задача выполняется при помощи социальных норм долженствования — стандартов, определяющих смысл социально-значимого понятия или принципа, а также закрепляющих структуру и содержание первичного варианта возможного, должного и недопустимого поведения субъектов общественных отношений.

Общими признаками социальных норм долженствования являются:

- социальный характер: при помощи социальных норм регулируются и охраняются общественные отношения;

- предоставительно-обязывающий характер: социальные нормы определяют перечень и объем возможностей (прав) и долженствований (обязанностей) участвующих в общественных отношениях субъектов;

- гарантированный и санкционированный характер: нормативное закрепление того или иного социального стандарта предполагает обеспечение его реализацию при помощи специальных условий (механизмов) — гарантий и защиту путем применения к нарушителю мер негативного воздействия — санкций⁵². При помощи социальных норм регулируются и охраняются общественные отношения в различных социальных сферах (политике, экономике, религии и т.д.). В этих областях жизнедеятельности общества поведение субъектов в основном определяется долженствованием, т.е. совокупностью целевых и мотивационных установок, которыми руководствуются субъекты в процессе выбора того или иного варианта поведения. По нашему мнению, природа долженствования складывается из двух систем ценностных критериев. Ценности публичного характера предполагают закрепление приоритета общесоциальных (публичных) интересов по отношению к интересам отдельных субъектов (как индивидуальных, так и коллективных). Соответственно, ценностные ориентиры частного

⁵² Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, долженствование // Правоведение. 2001. № 6. С. 13-19.

характера устанавливают приоритет субъективного интереса по отношению к общесоциальному.

Рассматривая механизм соотношения названных ориентиров (критериев), следует сделать вывод о том, что их взаимодействие предполагает неизбежный конфликт части и целого (отдельного субъекта и общества в целом). В условиях такого конфликта часть стремится к обособлению и выделению из целого (для того чтобы, в свою очередь, стать целым). Вместе с тем, целое предполагает тенденцию к поглощению части, растворению ее в общей массе. Компромисс этих конфликтующих сторон возможен только в том случае, если они фактически (а не формально-декларативно) учитывают интересы друг друга и несут конкретную персонифицированную ответственность за совершаемые поступки. Однако компромисс взаимных интересов и взаимная ответственность власти и подвластных возможны только тогда, когда в обществе на всех его уровнях сформировалась культура, под воздействием которой у абсолютного большинства субъектов вырабатывается чувство реального уважения к сложившейся и функционирующей в обществе системе долженствования. А это, в свою очередь, возможно только в государстве с высокоразвитой экономикой, действенным механизмом социального обеспечения всех слоев населения, сформировавшейся и устоявшейся политической надстройкой. Если же отсутствует (либо находится в зачаточном состоянии) хотя бы одно из названных условий, говорить о реальном компромиссе публичных и частных интересов не приходится. В этом случае наблюдаются лишь досистемные проявления долженствования субъектов, которые отнюдь не способствуют устойчивому развитию социума.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что *стабильность общества прежде всего зависит от той его части, которая осуществляет реализацию управленческих функций и*

своей фактической деятельностью определяет природу долженствования в социальной сфере. При этом именно власть должна быть заинтересована в самоограничении, поскольку неограниченность власти является объективной предпосылкой ее кризиса и неизбежной гибели в дальнейшем.

Исходя из сформулированного выше социально-философского понимания долженствования, как важнейшего способа взаимодействия социальности человека и общества, в следующем параграфе попробуем выяснить, с опорой на современную социальную теорию, в какие формы долженствования погружен человек современного общества и какие ценности он кульминирует в процессе своей жизнедеятельности.

1.2.Ценности долженствования в системе координат современного человека

Важным содержанием современного периода развития общества является формирование новых социальных отношений, когда остро ощущается потребность в ясных и определенных социальных ориентирах, позволяющих осуществить глубокое обновление в различных сферах жизнедеятельности человека. Речь, таким образом, не идет о модернизации одной лишь производственной сферы, но о трансформации социальных связей в целом. Можно констатировать, что с очевидностью созрело убеждение всех слоев российского общества в том, что такое обновление не должно, как это случалось иной раз в прошлом, привести к разрыву человека с миром культуры и устоявшейся системой ценностных приоритетов, что неминуемо вело к нивелировке представлений о человеческой личности как о самоценности и самоцели всего общественного развития. Несомненный интерес для теоретического

анализа этих проблем представляет социально-философская трактовка долженствования, обращение к которой во многом обусловлено объективным характером социальных связей, а также структурой ценностных приоритетов представителей различных социальных групп и, в первую очередь, молодежи. Поэтому представляется необходимым, исходя из сформулированного выше социально-философского понимания долженствования как способа взаимодействия социальности человека и общества, выяснить, в какие формы долженствования оказывается погружен человек современного общества.

Современное общество функционирует в модусе непрерывного развития, а действия людей заключаются в ежедневном изменении и пересмотре сложной сети взаимосвязей. Такая динамичность определяет коррекцию ценностных ориентиров, которые интегрируются во все новые формы, подрывая унаследованные правила, вводя новые нормы поведения и пластично оформляя все новые и новые стили жизнедеятельности людей.

Широко известно, что одной из сущностных черт современности является распространение принципов индивидуализма, как идеологии социального функционирования и стиля жизнедеятельности. Согласно Ж. Липовецки, в 50-е годы XX века происходит освобождение от дисциплинарного условно-революционного порядка⁵³. До этого времени логика политической, производственной, моральной, школьной, больничной жизни заключалась в том, чтобы погрузить человека в единообразие правил, чтобы, насколько это представлялось возможным, устранять всякие предпочтения и особенности единообразного всеобщего закона, будь то «всеобщая воля», правила общежития, моральный императив, подчинение и самоотречение – требования революционной партии: все происходило так, словно индивидуальные ценности могли

⁵³ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. С. 18.

возникнуть лишь в рамках, означенных системами, определяющими организацию и направление, решительно пресекая органически присущую им неопределенность. Исчез мнимый ригоризм свободы, уступив место новым ценностям, нацеленным на свободное развитие интимных сторон человека, законность удовольствий, признание своеобразных потребностей, подстраивание социальных институтов под потребности людей⁵⁴. Таким образом, в обществе произошла трансформация системы ценностей, что привело к реструктурированию самого общества, изменению типа его социальности и, соответственно, трансформации форм долженствования, вовлекающих его в социальную жизнь.

Все это проходило на фоне индивидуализации основных порядков жизнедеятельности людей. Если в середине XIX в. А. де Токвиль отмечал, что слово «индивидуализм» появилось совсем недавно, так как ранее существовали лишь представления о эгоизме⁵⁵, то в последующий период индивидуализм в рамках, прежде всего, западных обществ заявляет о себе все значительней.

Как отмечает У.Бек, в развитых западных странах после Второй мировой войны произошел общественный сдвиг доселе невиданного размаха и динамизма в сторону индивидуализации. На фоне относительно высокого материального уровня жизни и развитой системы социальных гарантий, в ходе исторического разрыва с устоявшимися формами жизни, индивиды освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье и начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с его рисками, шансами и противоречиями⁵⁶. Эту же тенденцию отмечает и Э.Тофлер, подчеркивая факт индивидуализации современного человека, что создает

⁵⁴ Там же, С. 20.

⁵⁵ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 373

⁵⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. С. 106.

возможность реализации потенциала человека, но, вместе с тем, существенно затрудняет его идентификацию на фоне изменяющихся социальных ценностей⁵⁷.

Такое положение дел с неизбежностью привело к трансформации форм долженствования и изменению их содержания. Одной из первых жертв в процессе пересмотра форм долженствования, структурирующих жизнь современного человека, оказалась мораль. Современный человек рассматривает себе подобных уже не в качестве уникальных и самоценных личностей, достойных уважения и заботы, а в качестве своеобразных объектов, удовлетворяющих, наряду с прочим, одну из многочисленных потребностей. «Узы партнерства, - пишет З. Бауман, - рассматриваются как вещи, которые следует потреблять, а не производить; они подчиняются тем же критериям оценки, что и все другие предметы потребления»⁵⁸. В системе ценностей современного человека важность морального долженствования в целом снижается, а на место морали приходит материальный расчет. Это, в свою очередь, привело к тому, что самодисциплина и самоконтроль как важнейшие скрепы морального долженствования сегодня существенно утрачивают свою действенность. Важнейшие ценностные ориентиры, на которые опирается современный человек – материальные ценности, выгода, удовольствие. При этом никакая социальная ситуация не гарантирует ему, что его добровольное долженствование, самоограничение, самопожертвование, служение другим и т.п. окажутся для него полезным и выгодным.

Эти тенденции, ранее зафиксированные в западных обществах, все более рельефно проявляют себя и на российском социальном пространстве, трансформируя систему долженствования человека и привнося в нее новые ценностные предикаты.

⁵⁷ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: «Издательство АСТ», 2004. С. 583.

⁵⁸ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 197.

Известно, что исторически феномен долженствования одну из своих важнейших функций выполнял в отношениях между человеком и социальным институтом государства. Этот институт в лице своих важнейших структур предъявлял широкий спектр требований долженствования к своим гражданам, включая в себя доминанты нравственного и правового воспитания, что и формировалось в виде представлений о долге каждого человека. *Сегодня долженствование – это важный структурный элемент гражданских обязанностей, результативность которого не всегда очевидна.*

В условиях глобализации значение государства меняется. Межгосударственные институты оказывают систематическое давление на общественные структуры с целью уничтожения всего того, что способно замедлить движение капитала⁵⁹. Чем больше будут заявлять о себе такие тенденции, как дерегулирование, либерализация, гибкость и мобильность перемещения капиталов, тем меньше полномочий остается на долю института государства, призванного оптимизировать социальные отношения людей в рамках установленного организационного порядка – порядка социального долженствования.

Даже, несмотря на то, что государства различаются по многим параметрам, таким как политическое влияние, военная мощь, экономический потенциал, территории и т.п., мы считаем тенденцию снижения роли данного института в социальной жизни современного человека вполне отчетливой. Современные государства уже не могут достаточно эффективно действовать в сфере охраны окружающей среды, обеспечения экономического роста, реализации социальных программ и во многих других областях. Наряду с государством этими вопросами начинают активно заниматься правительственные и

⁵⁹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь мир», 2004. С. 98.

межправительственные организации, олигархические конгломерации, различного рода движения и т.д. Мир сталкивается с явлением, которое может быть названо «размыванием» государственного суверенитета. У современного человека, таким образом, возникает множество соблазнов проигнорировать гражданские формы долженствования, что проявляется в различных формах (нежелание платить налоги, отказ от общественных обязанностей, отказ от службы в армии и др.).

Таким образом, *структура ценностей современного человека в значительной степени определяется позициями индивидуализма, который, как было показано выше, оказывает фундирующее влияние на изменение форм и ценностей долженствования, делая императивные принципы долга маловостребованными со стороны общества и поэтому неэффективными.*

В современный период понятие «res publica» (букв. с лат. – «общее дело») уже не имеет под собой никакой прочной основы, никакой устойчивой эмоциональной подоплеки⁶⁰. Более того, З. Бауман, вслед за А. де Токвилем, отмечает, что индивидуализированный человек – худший враг гражданина. Если «гражданин» склонен добиваться собственного благополучия через общественное, то индивидуализированный человек склонен проявлять равнодушие к «общему благу» или «справедливому обществу», что обуславливает постепенный распад гражданственности⁶¹. Происходит самоизоляция человека, замыкание его в узких рамках личной жизни, отключение от участия в общественных делах, что переводит гражданские формы и ценности долженствования в разряд малоэффективных⁶².

⁶⁰ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. С. 128.

⁶¹ См.: Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 44.

⁶² Эти проблемы кульминируются в работах: Ю.Хабермаса с позиций соотношения нормативного консенсуса, традиции и этоса (см.: Хабермас Ю. Демократия, Разум.

Таким образом, логика индивидуализма ведет через отказ от принципа автономии в пользу принципа независимости – к растворению ценности, конститутивной. Точнее, вместе с самой идеей нормативности индивидуализм подрывает, устраняя всякую иную ценность, кроме ценности утверждения Я, и саму идею автономии, что довольно парадоксально (поскольку он из нее вырастает)⁶³. Но, так или иначе, индивидуализм, поднятый в качестве знамени жизнедеятельности человека, снижает важность надындивидуальной нормативности долженствований в современном обществе. Следствием этого, в частности, является существенное падение интереса людей к политике, которая превращается в «пустой стадион». Несмотря на то, что политики по-прежнему организуют кампании, издают манифесты, договариваются – так, как это делалось веками. Важное различие состоит в том, что их уже мало кто слушает. Явка избирателей снижается, численный состав политических партий сокращается, а доверие людей к политикам и политическим институтам упало до угрожающе низкого уровня⁶⁴. Таким образом, современная политика, в отличие, например, от политической практики античности, не в состоянии обеспечить эффективное долженствование для человека. Собственно, думается, что именно поэтому политика все в большей степени трансформируется в медийную.

Если ранее политика предполагала наличие программы, постановку проблем, изложение альтернатив их решения и обращение к интересам и разуму граждан, то теперь все это заменено конкуренцией образов,

Нравственность. // Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМІ. Издательский центр Academia, 1995. С.36.); Липовецки Ж., доказывающим примат гедонизма над необходимостью осуществления коллективных действий (см.: Липовецки Ж. Указ. соч., С. 27, 93.); Фукуямы Ф., отмечающим «уменьшение радиуса доверия» к институциональным структурам со стороны современного общества (см.: Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 127.) и др.

⁶³ См.: Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб.: «Владимир Даль», 2002. С. 73-74.

⁶⁴ См.: Леонард М. XXI век – век Европы. М.: АСТ МОСКВА, 2006. С. 136-137.

имиджей политиков, созданных по законам рекламного бизнеса. Формула такова: «если ты не принимаешь меня таким, каков я есть на самом деле, я стану таким, каким ты хочешь меня видеть»⁶⁵. Тем самым политическое долженствование, в отчетливом виде сформировавшееся еще в античности и предписывавшее всем свободным гражданам заниматься политикой, заменяется игрой, симуляцией, симулякрами, которые направлены на скрытое управление, а не регуляцию политического поведения через императивы осознанного долженствования.

Индивидуализированный современный человек переходит от внешних форм долженствования к внутренним, которые соответствуют его индивидуализированным ценностным ориентациям и направлены на достижения каких-либо предпочтений для самого себя. Современный человек, таким образом, становится крайне невосприимчив к внешним побудителям, выраженным в форме императивов. Неслучайно структуры современного общества, пытаясь добиться от человека конформного поведения, все чаще прибегают не к прямым императивам, а к различного рода побуждениям, манипуляциям, симуляциям, игре, в которой человек подчас не осознает, что является объектом скрытого управления. При этом нам кажется справедливым мнение З.Баумана, который отмечает, что трудность прогнозирования последствий тех или иных событий в современном обществе делают невозможным выработку новых категорических императивов⁶⁶.

Опасность индивидуализации проявляется и в том, что развитие этой тенденции устраняет действенность любых форм долженствования, за исключением, пожалуй, долженствования перед самим собой. В такой ситуации обретение общности, сплоченности крайне проблематично. Между тем, сплоченность является, как отмечает

⁶⁵ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во «Эксмо», 2006. С. 318-319.

⁶⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 232.

С.Московичи, «...лучшим лекарством от коллективных болезней – апатии, преступлений, отклонений, самоубийств и т.д.»⁶⁷. В этих условиях взаимодействия и отношения людей воспроизводство жизненных средств, физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайностный, вероятностный характер.

Еще один аспект рассматриваемой проблемы связан с тем, что каждому поколению свойственно находить соответствие себе в том или ином мифологическом или легендарном персонаже, который рассматривается с точки зрения проблем сегодняшнего дня: Эдипе как универсальной эмблеме, Прометее, Фаусте и Сизифе – как отражение современного состояния и др. Настоящее время, согласно утверждениям многих исследователей, символизирует «Нарцисс» В непсихологическом контексте термин «нарциссизм» близок по смыслу понятию эгоцентризм или эгоизм, и соответственно, используется для описания людей, чья речь засорена местоимением «я». *Феномен нарциссизма, в нашем понимании, представляет собой следствие абсолютизации долженствования перед самим собой вследствие озабоченности своим личным «Я». Использование концепта «нарциссизм» в современной социальной теории призвано, на наш взгляд, подчеркнуть равнодушие человека перед различными формами долженствования.*

В современном обществе индивидуализация сопрягается с плюрализацией образцов самоопределения, что в наибольшей степени касается молодежи как формирующегося субъекта общественных отношений. Индивидуализация открывает перед человеком дополнительные перспективы личного контроля над жизненным пространством, временем, деньгами, образованием, выбором формы

⁶⁷ Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 485.

трудовой деятельности, карьерой и многообразие моделей социальной интеграции⁶⁸. С другой стороны, индивидуализация воспроизводит все возрастающий риск, связанный с утратой коллективности, общественности и, наконец, общности, что ведет человеческую экзистенцию к структурному кризису.

Неслучайно, что в этой связи современная ситуация делает реальным утрату самой идеи общества в силу доминирования принципов косьюмеризма и отождествления действующего лица с потребителем, стремящимся достигнуть на рынках труда наибольшего удовлетворения при наименьшей цене. Во многом поэтому долженствование в современном обществе все чаще выражается в форме долговых обязательств, так как человек, не имея средств заплатить за ту или иную вещь, берет кредит. Действительно, система кредита является ключевой для современной экономики во всех звеньях, выступает способом регулирования спроса и стимулирует его на уровне личного потребления. Кредит — отнюдь не просто экономический институт, а фундаментальное измерение всего нашего общества, его новая этика социального долженствования⁶⁹.

В этих условиях современный человек принимает как должное то бесконечное принуждение, которому он подвергается, — обязанность покупать, чтобы общество продолжало производить, а сам он мог работать дальше, дабы было чем заплатить за уже купленное. Более того, сегодня наслаждение принудительно утверждается не как право или удовольствие,

⁶⁸ Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. М.: Наука, 2007. С. 259.

⁶⁹ Эту проблему подробно рассматривает в своей работе Бодрийар, см.: Бодрийар Ж. Система вещей. М.: Рудомино. 1995.

а как долг гражданина, фундированный императивным приказом развлекаться, использовать все возможное ради получения удовольствия⁷⁰.

Исходя из этого, справедливым является утверждение о том, что современный человек сегодня требуется и является незаменимым как потребитель, точно так же как он был востребован в качестве рабочего в индустриальную эпоху и в качестве крестьянина в рамках аграрных цивилизаций. При этом очевидно, что способы социализации и индивидуализации в современном обществе совершенно отличны от того, что существовало ранее. Между тем, человеку для того, чтобы потреблять, необходимо работать и зарабатывать. Поэтому общественное долженствование к потреблению автоматически предполагает долженствование к труду. Но формы последнего чрезвычайно разнообразны: от полного отрицания этого долга до сакрального возвеличивания труда в советской идеологии.

В современном обществе существенно изменились социально санкционированные мотивы трудовой деятельности. Общественное благо, ради которого необходимо жертвовать личным благополучием, потеряло свою священную значимость. С другой стороны, получил легитимность частный, индивидуальный интерес, и следование ему рассматривается сегодняшней идеологией как весьма достойное человека занятие. Сейчас реабилитирована в правах материальная, телесная жизнь человека, идеологически возродилась категория индивидуального богатства и частной собственности, произошло колоссальное расширение реального состава благ, которыми на законных основаниях могут владеть, пользоваться и распоряжаться граждане и их семьи.

В силу этого, ценностная система современного общества и делает главный упор на удовлетворении личного потребления, в результате чего,

⁷⁰ См.: Бодрийар Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М.: Культурная революция, 2006. С. 110.

как уже отмечалось, и образуется дисбаланс между представлениями людей об индивидуальных и общественных благах.

Как видим, тезис о разрушении общественных связей посредством господства консьюмеризма имеет свои основания и в срезе долженствования в труде. Однако вряд ли уместно говорить, в этой связи, о распаде общественных связей, скорее, речь может идти об их трансформации, так как механизмы общественного долженствования по-прежнему проявляют себя несмотря на то, что функционируют по иной, отличной от прежних моделей долженствования, которые консолидировали иные типы социальности и общественного сознания, кульминированные рационализмом XVIII века.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что современный человек не воспринимает рациональные формы долженствования, но структурируется в соответствии с основными тенденциями общественного развития в сфере экономики и политики через игру, симуляцию, симулякры.

Говоря о специфике форм долженствования в системе ценностей современного человека, необходимо также упомянуть о российских особенностях. Важнейшее своеобразие состояния духовной и мировоззренческой сферы в России – отсутствие государственной идеологии, или «национальной» идеи, определяющей общее самочувствие нации или народа как основы стабильности общества и важнейшего ресурса развития страны. Деформация всей системы норм, установок и ценностей как неизбежное следствие утраты обществом и властью адекватной оценки окружающей социальной действительности⁷¹. Это сочетается с активным и быстрым сломом всех присущих сознанию людей и норм, взглядов и представлений. Возникает атмосфера неустойчивости

⁷¹ См.: Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. М.: Наука, 2007. С. 25

жизни, усиливается недоверие к государству, его институтам, экономическим и политическим преобразованиям. В дополнение к этому в российском обществе до сих пор не утвердились общественно значимые представления о связи свободы с ответственностью, прав человека с обязанностями. Российская специфика является яркой иллюстрацией положения о том, что радикальная модернизация трансформирует социальные институты нежелательным и неожиданным образом⁷².

В этих социокультурных условиях все больше россиян стремятся полагаться на самих себя, что является следствием роста различных проявлений индивидуализма в широком спектре социальных практик. Уходят в прошлое традиционные формы защиты (в профессиональной сфере, семье, коллективе). Формы долженствования, ориентированные на самого себя, вытесняют другие, следствием чего является уменьшение роли традиций и социальных связей, основанные на коллективизме. Их место занимает индивидуализация, затрагивающая объективные (жизненная ситуация) и субъективные (сознание, идентичность) аспекты жизнедеятельности.

Данная тенденция особенно характерна для молодых поколений россиян, которых отличает стремление действовать с опорой на собственные силы, что продиктовано не только желанием разорвать зависимость от родителей, но и объективной бесполезностью опыта последних в изменившихся условиях⁷³. К этому следует добавить резкое падение уровня производства, нарушение интеграционных связей между отраслями производства, резкое возрастание безработицы, интенсивные инфляционные процессы и многое другое.

⁷² Бек У., Лау К. Вторая модерность как предмет изучения: теоретические и эмпирические исследования «мета-изменения» современного общества // Россия в мировой политике XXI в. Россия и современный мир. 2006. № 3. С. 235.

⁷³ См.: Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. М.: Наука, 2007. С. 266.

Если 20 лет назад российская молодежь активно выступала за демократию и равенство для всех, то сегодня главным для нее стало право на индивидуальность и самовыражение. Такой индивидуализм не тождественен безнормности, но укладывается в контекст актуализации ценностей личных потребностей, которые в условиях неопределенности перспектив самореализации, испытываемых молодежью, только усиливаются⁷⁴.

Вполне объяснимо, что в условиях каскада социокультурных и социально-экономических кризисов, которые переживает наше государство, возрастает значимость ценностей прагматических, направленных на достижение личного успеха, тогда как значение этических ценностей, напротив, снижается. Такая ситуация, возникнув в условиях глубокого институционального и ценностного разлома, не несет в себе никакой позитивной альтернативы прежнему состоянию общества. Утрачено понятие общего дела и блага, ценности везде, где возможно, заменены «ценой», которой можно измерять вещи, но не духовные побуждения, нравственные мотивы и поступки, по природе своей «самоценные»⁷⁵. В этих условиях *общественные формы долженствования рассматриваются людьми как нечто наносное, неадекватное реальным абрисам жизнедеятельности.*

В современном российском обществе размываются все интегративные ценности и его члены расходятся по противоположным нравственно-этическим осям. Так, система либеральных ценностей (материальные блага, свобода, равенство, собственность, прагматизм, индивидуализм, инициативность и др.) вступила в конфликт с системой

⁷⁴ Зубок Ю. Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодежи в обществе риска // Безопасность Евразии. 2003. № 3. С. 135.

⁷⁵ См.: Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. М.: Наука, 2007. С. 25.

свойственных российскому менталитету духовно-нравственных ценностей (коллективизм, аскетизм, поиск абсолютной справедливости). Таким образом, *из российского коллективного «мы» выделилось индивидуальное «Я», приобретшее причудливые формы и обретя при этом новые смыслы, один из которых связан со стремлением реализовать свои потребности путем минимальных собственных затрат.*

Но в условиях неразвитой социально-экономической инфраструктуры общества непродуманное внедрение либерально-демократических принципов в сферу социальных отношений, сопровождающееся ослаблением государственного механизма, приводит к усилению деструктивных тенденций: явной либо скрытой конфронтации социальных групп, коррупции государственного аппарата, криминализации общественных отношений и т.д. При этом формальное закрепление принципа приоритета индивидуальных прав и свобод личности по отношению к публичным интересам государства и общества на практике означает только одно — приоритет индивидуальных интересов «избранных» членов сообщества (прежде всего коррумпированная номенклатурная бюрократия) за счет и в ущерб интересам общества в целом.

Такая тенденция, безусловно, носит деструктивный для общества характер, поскольку, как уже отмечалось, обостряет социальные противоречия и может, в конечном счете, спровоцировать «социальный взрыв» с губительными для социума последствиями. В подобной ситуации у обывателя формируется убеждение, что основной виновницей трудностей является непосредственно политическая система. Пути преодоления этих трудностей (опять-таки с обывательской точки зрения) достаточно очевидны: ужесточение мер ответственности по отношению к нарушителям общественного порядка, экспроприация частной собственности, полученной «противоправным» путем, возврат к

дотационной экономике и гарантированной государством социальной политике, во главу угла которой положен принцип: «лучше равенство в нищете, чем неравенство в богатстве». На практике осуществление названных и подобных им мер неминуемо означает усиление репрессивно-карательной составляющей государственной деятельности и может привести к тому, что принуждение и страх станут основными средствами и стимулами обеспечения эффективности социального регулирования и становления тоталитарных порядков долженствования.

Безусловно, на определенном этапе развития эти меры являются эффективными и способствуют сплочению общества и мобилизации всех его членов на выполнение общезначимых задач (как правило, чрезвычайного характера). Но принуждение и страх не могут и не должны рассматриваться в качестве универсальных инструментов регулятивного воздействия. Являясь по своей сути чрезвычайными, они оправданы (даже с точки зрения государственной целесообразности) в течение строго определенного периода времени, после окончания которого эффективность их воздействия ослабевает. В том случае, если в общественные отношения не будут внедрены альтернативные средства обеспечения действенности позитивных правил долженствования (не менее эффективные, чем страх), в соответствии с объективными закономерностями в обществе вновь усилятся деструктивные тенденции.

При этом разрушительное воздействие этих тенденций в первую очередь отразится на самой власти, которая, утратив возможность управлять обществом при помощи устрашения, одновременно перестанет быть харизматичной. Отсутствие иных, кроме как основанных на страхе перед наказанием, рычагов управления обществом неминуемо повлечет за собой потерю государством (в лице аппарата государственной власти) приоритета в механизме социального регулирования и его вытеснение другими институтами, обладающими властными функциями и

стремящимися к обретению публичной политической власти (политические партии экстремистского типа, организованная преступность и т.п.). Соответственно, для того, чтобы сохранить властные полномочия, официальная государственная власть должна быть реструктурирована. Речь в данном случае идет, прежде всего, о разработке принципов и создании механизмов реальной ответственности представителей власти за последствия (прежде всего негативные) принимаемых решений. В данном случае речь не идет о декларативной, не отягченной конкретными юридическими последствиями ответственности за все, что происходит в стране, а о конкретных мерах ответственности за принятие (непринятие) властных решений, повлекших за собой социально вредные последствия. При этом специфика административной власти предполагает возможность ответственности «без вины» (за социально вредные последствия, причиненные не самим руководителем, а вверенным ему учреждением), в некотором смысле аналогичной ответственности владельца за вред, причиненный источником повышенной опасности. До тех пор, пока подобного рода формы долженствования являются не более чем фикцией, общество будет находиться в состоянии «неустойчивого равновесия», готового в любой момент перейти в режим «открытой социальной конфронтации». Примерами последней Новейшая история России достаточно богата: это и революция 1917г., и распад СССР 1991 г., и, к счастью, не начавшаяся открытая гражданская война 1993 г.⁷⁶

Ситуация значительно усугубляется, если добавить к этому тот факт, что некоторые социальные институты, во многом обуславливающие структуру долженствования молодого человека, требуют от него «пожертвовать» собственной индивидуальностью во имя всеобщего блага. Характерным примером в этой связи является социальный институт армии.

⁷⁶ Подробнее см.: Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, долженствование // Правоведение. 2001. № 6. С.19

Как известно, данный институт является одним из самых деиндивидуализированных институциональных структур модерна, что само по себе объяснимо и обуславливается задачами, которые стоят перед ним.

Армия опирается на стабильную систему традиционных патриотических ценностей, имеющих коллективистскую основу. Армейские императивы гласят: мне следует делать то, что делают все, значит, я должен приспособиться, не отличаться от других, не «высовываться». Мне надо быть готовым измениться в соответствии с изменениями образца и желать этого. Не надо задаваться вопросом, прав я или не прав? Вопрос в другом – приспособился ли я, не «особенный» ли я какой-нибудь, не отличаюсь ли. Никто не властен надо мной, кроме стада, частью которого являюсь я и которому я, тем не менее, подчинен⁷⁷. Поэтому в контексте развития индивидуализации современного общества такая деиндивидуализированная организация не находит популярности в среде молодого поколения.

Таким образом, структура ценностей долженствования современного человека в значительной степени определяется феноменом индивидуализма, который, как было показано выше, изменяет эти формы, делая императивные долженствования со стороны общества по отношению к современному человеку малоэффективными.

Между тем, в ситуации, когда у современного человека формируется устойчивая позиция на неприятие общественных императивов долженствования, тезис о разрушении социальных связей верен лишь отчасти. Анализ важнейших социальных практик современности в сфере политики и экономики показывает, что отношения в них трансформируют стратегии долженствования, переходя от сознательных императивов к игре, симуляции, не предписывающей современному человеку делать что-

⁷⁷ См.: Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С 179-180.

либо, а побуждающих, стимулирующих его к тому, что выгодно существующей системе, будь то сфера политики или экономики. В этих условиях такой социальный институт, как армия, в силу своей структурно-функциональной направленности не может отказаться от осознанных императивов долженствования и заменить их игрой и симуляцией, что, в конечном счете, ведет к его непопулярности в широких общественных кругах и, особенно, в среде молодого поколения.

В заключение этой главы позволим себе еще раз обозначить некоторые ключевые положения.

Категория «долженствование» в истории философской мысли предстает в двух основных формах: телеологической и законнической. Однако, если телеологическое долженствование предполагает, что от действий человека зависит его благополучие, причем само понятие блага лежит в основании морали – уместно говорить о моральном долженствовании, тогда как законническое долженствование, напротив, постулирует, что моральные правила обладают статусом, аналогичным законодательному и поэтому должны неукоснительно соблюдаться.

В долженствование включаются потребности и интересы, цель и целеполагание. При этом целеполагание выступает формой, объединяющей все структурные элементы долженствования. Оно всегда присутствует в человеческих действиях как тенденция, как существенная, устойчивая характеристика элементов этих действий, т.е. направленность всякого действия субъекта на реализацию идеального образа предмета преобразования, определяемая потребностью.

Мы доказываем, что природа долженствования складывается из двух систем ценностных критериев. Ценности публичного характера предполагают закрепление приоритета общесоциальных (публичных) интересов по отношению к интересам отдельных субъектов (как индивидуальных, так и коллективных). Соответственно, ценностные

ориентиры частного характера устанавливают приоритет субъективного интереса по отношению к общесоциальному.

В повседневной жизни мы не так часто обращаемся к непреходящим ценностям, ибо они скрыты социальным фоном реальности, ставящей перед нами массу мелких проблем, решение которых осуществляется через посредство ценностей гораздо меньшего масштаба. Мозаичность этих ценностей и соответствующих устремлений человека порой нивелирует базовые социальные императивы и провоцирует формирование гипертрофированных форм долженствования.

В этих условиях социальные императивы, цели и оценки могут рассматриваться в форме симулякров, которые генерируются социальной средой (организационным порядком, сложившимся в ней) и самим человеком в зависимости от степени его включенности в те или иные организационные структуры и систему социальных отношений в целом. Эти «постидеальные» образы, как правило, и составляют структуру долженствования человека повседневного, которая далеко не всегда корректна по отношению к базовым общесоциальным критериям долженствования.

Тем не менее, мы актуализируем также тот факт, что в основу правил поведения человека положены социальные нормы — унифицированные стандарты, закрепляющие исходные понятия, принципы, цели (специализированные нормы — нормы-дефиниции, нормы-принципы, нормы-цели), а также элементарные (первичные) правила социального регулирования (нормы-правила), образующие в своей совокупности основания общественного организационного порядка. Собственно общественный порядок представляет собой совокупность правил, реализуемых под воздействием долженствования — системы ценностных установок, побуждающих субъекта к определенному типу поведения. В конечном счете, долженствование может быть представлено тем или иным

соотношением индивидуальных (частных), групповых (корпоративных) и общесоциальных (публичных) интересов. Реальный компромисс названных интересов возможен только в условиях развитой социальности.

Мы доказываем также, что структура ценностей современного человека в значительной степени определяется позициями индивидуализма, который оказывает фундирующее влияние на изменение форм и ценностей долженствования, делая императивные принципы долга мало востребованными со стороны общества и поэтому неэффективными.

Опасность индивидуализации проявляется и в том, что развитие этой тенденции устраняет действенность любых форм долженствования, за исключением долженствования перед самим собой. В такой ситуации обретение общности, сплоченности крайне проблематично. В этих условиях взаимодействия и отношения людей воспроизводство жизненных средств, физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайностный, вероятностный характер, что ведет человеческую экзистенцию к структурному кризису.

Одним из проявлений данного кризиса является уродливое вычленение из российского коллективного «мы» индивидуального «Я», приобретшее причудливые формы и обрета при этом новые смыслы, которые связаны со стремлением реализовать свои потребности путем минимальных собственных затрат.

Дальнейшее развитие указанных положений в соответствии с заявленной предметной сферой диссертационного исследования мы представляем во второй главе.

II. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

2.1. Самоидентификация современной молодежи на фоне трансформации ценностей долженствования

Каждый человек, социальные группы и общество в целом существуют в рамках различных ценностных систем. Человек принадлежит не только к определенной группе, но к определенной нормативно-ценностной системе и линии социального времени¹. Поэтому социализация человека, формирование личности предполагает усвоение ценностей, которые формируют своеобразную матрицу для развертывания разнообразных конкретных образцов деятельности, знаний, предписаний, норм, идеалов, регулирующих социальную жизнь в рамках данного типа культуры. Система ценностей может отличаться некой стабильностью на протяжении нескольких десятилетий и даже веков, а может и довольно быстро меняться во времена кризиса. Такая трансформация отмечается в постсоветской России, переживающей распад привычного образа мира.

Рассуждая таким образом, есть все основания утверждать, что трансформации ценностей обуславливают изменение социальности в целом. Причем здесь присутствует выраженная двуединая связь. Сложившийся в итоге коренных социальных преобразований специфический комплекс социально-экономических, социально-политических, историко-культурных и других условий в России 90-х гг. XX в. во многом обусловил новую специфику проявления системы ценностей и идеалов, норм и стандартов поведения, стимулировал на основе нового жизненного опыта личности переустройство ее жизненных

¹ Бызов Л. От кризиса ценностей к кризису институтов // Свободная мысль, 2008. № 4. С. 35.

планов, измерений самого характера взаимоотношений с окружающей социальной действительностью (прежде всего с другими людьми) – переоценку личностью системы ее ценностей.

В условиях трансформации социально-экономических условий люди с различными характеристиками по-разному адаптируются к новой социальной среде, изменяя свои приоритеты в ценностных ориентациях². Кроме того, появляются новые социальные ценности и нормы, правила и образцы социального поведения, преобразовываются социальные представления, ожидания и идеалы, на которые личность и различные социальные группы в целом начинают ориентироваться и по-другому их оценивать.

Все это заставляет человека пересматривать господствующие ценности. Это осознание происходит вслед за первыми попытками поиска выхода из обозначившейся ситуации через реформирование сложившейся системы отношений и деятельности, но достаточно быстро возникает вопрос о ведущей роли внутренних человеческих качеств. Любое общественное переустройство означает, прежде всего, кризис ценностей по тем или иным причинам, теряющим свою значимость. Сегодня «речь идет о фундаментальных основаниях человеческого бытия, о выработке новых ценностей, которые призваны обеспечить стратегию выживания и прогресса человечества. Необходима выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека»³

В общем виде на смену старых ценностей приходит мир новых, имплицитных консенсус и ненасилие, демократизацию и гуманизацию отношений, недопущение развития за счет разрушения окружающей среды, творческую самореализацию и разум, который востребован во всех структурах социальной практики.

² См.: там же. С.

³ См.: Степин В.С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. №6. 1999. С.34.

Ценностная проблематика отражена в рамках социальной теории в разнообразных проектах и программах развития. В этой связи, прежде всего, следует упомянуть концепцию устойчивого и постиндустриального общества⁴.

Постиндустриальное общество связывается с вхождением развитых стран в новый технологический этап развития, изменением качественного состояния западной цивилизации. Однако эта концепция, описывающая общество, способное совмещать собственный прогресс и контроль состояния окружающей среды, характерна для обществ, переживших этап индустриализации. В то же время для многих стран достижение постиндустриальной стадии возможно лишь в перспективе. Для них более важной проблемой остается поддержание приемлемых условий жизни вообще.

Вторая концепция предлагает создание устойчивого общества, то есть общества, удовлетворяющего нужды сегодняшнего поколения, не лишая его возможности удовлетворения их собственных нужд. Соответствующая концепция была принята на конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992). Более 160 стран подписали эту концепцию, скоординировав ее под свои особенности. Следует также отметить принятую в рамках ООН декларацию о «культуре мира», которая также несет в себе идею изменения ценностей в сторону миролюбия, миротворчества, миротерпимости, долженствования неагрессивного мышления и поведения и т.п.⁵

Переход же нашей страны к иному состоянию, напротив, осуществляется через стремительную дезинтеграцию и дезориентацию общественных групп и институтов, утрату личностной идентификации с

⁴ См., например: Мунтен М. Постиндустриально-информационное общество как концепция новой глобальной цивилизации // Безопасность Евразии. - №2. - 2001.

⁵ Подробнее см.: Капто А. Генезис и становление культуры мира // Безопасность Евразии. 2000. №1.

прежними социальными структурами, ценностями и нормами, постепенное разрушение культурных, творческих и общественных связей. Более того, «ценностная эрозия» меняет представление о норме как о важном социокультурном инструменте регуляции общественных отношений. То, что в советское время считалось девиантным, маркировалось как «отклонение», в настоящее время порой позиционируется совершенно иным образом. В современном обществе произошло превращение культурных различий (этнических, языковых, религиозных, гендерных, сексуальных и т.п.) в политические решения, требующие от государства правового разрешения.

Кристаллизация новой ценностной системы в этих условиях остается по-прежнему затруднительной. Именно этим и обусловлено то обстоятельство, что трансформация социокультурных ценностей в России выступает в качестве одной из важных проблем социогуманитарных знаний вообще и социальной философии в частности.

Очевидно, что смена идеологических парадигм, социальных ценностей не проходит бесследно для общества. Осознание новых реалий, общественных связей и отношений, их принятие (или непринятие) требуют напряжения душевных сил, мобилизации внутренних ресурсов и, самое главное, времени. Процессы трансформации в России связаны с глубокой модификацией системы ценностей и моделей социально-экономического поведения. За последние десять лет страна претерпела сужение географических границ, изменились ее название и государственная символика. Эти обстоятельства усилили и без того высокую нестабильность ее социальной среды.

В процессе адаптации к новым условиям в обществе формируется макроидентичность на основе новой системы ценностей. Однако процесс этот у нас происходит очень медленно, так как разброс ценностей россиян чрезвычайно велик и подчас ценности эти являются полярными.

Такое кризисное состояние данной системы в значительной мере препятствует эффективному развитию модернизационных процессов.

Молодежная среда наиболее подвержена процессам трансформации новых норм и традиций, поскольку в силу особенностей своего возраста и отношения к жизни именно она быстрее других интериоризирует новые ценности и больше других нуждается в социальной и культурной идентичности, «встроенности» человека в некое социокультурное сообщество. Стремление отождествить себя на уровне самосознания с неким целым, а также различие в восприятии и усвоении норм и ценностей культуры, по сравнению с другими социальными и возрастными группами, способствует трансформации системы ценностей и формированию соответствующих форм поведения и долженствования (или отсутствия такового) молодежи. Этот процесс подкрепляется и переменами в обществе, которые, как правило, стимулируют и влекут за собой возникновение новых ценностей, усиливают противостояние между ценностями традиционной культуры и вновь появляющимися.

Одним из механизмов трансформации ценностных ориентаций молодежи является процесс их социокультурной идентификации.

Идентичность, в контексте данного проблемного поля, выступает как интегральный параметр и не сводится к социальным ролям⁶. Теоретическая и эмпирическая разработка проблемы идентичности началась сравнительно недавно, в 60-е годы XX в., хотя само понятие идентичности имеет более длительную историю. Использование понятия «идентичность», находящегося на стыке психологии и социологии, практиковалось в англо-американской литературе. Еще Ч.Кули в 20-е гг. и Дж.Мид в 30-е гг. XX в. продемонстрировали, что личностная идентичность (Self) не есть основа человеческого поведения, но что она

⁶ См.: Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. М.: Наука, 2007. С. 180.

складывается из свойств, продуцируемых в ходе социального взаимодействия. Идентичность, полагали эти ученые, есть некоторая оболочка, одежда, в которой личность существует как нечто целое; к этой оболочке индивид может по-разному относиться, но без нее он существовать не может. Следовательно, полагали они, идентичность – это, с одной стороны, характеристика отношения индивида к себе самому (индивидуальная, персональная идентичность), а с другой - его принадлежность к различным видам сообществ (коллективная идентичность). Наряду с идентичностью, ученые стали использовать понятие идентификации, понимая под ним процесс обретения человеком определенной идентичности и рассматривали ее процесс эмоционального и социального отождествления человека с другим человеком, группой, образцом, идеалом, в результате которого формируются интегративные качества и социальная функциональность личности.

Сегодня термины «идентичность», «идентификация», «самоидентификация» достаточно распространены не только при обсуждении социальных, экономических, политических, культурных проблем становления человека, но и для анализа тенденций развития современного общества. На наш взгляд, *идентичность - это многоуровневый процесс самоопределения человека, оказывающий важнейшее влияние на социальные практики, в рамках которых индивидуальные и коллективные идентичности реализуют себя, изменяя социальную реальность и субъективные представления человека. Идентичность является одним из важнейших механизмов субъектного освоения социальной действительности человеком, лежащего в основе формирования системы собственных смыслов. Важнейшей тенденцией развития идентичности в современном обществе, как это было показано в первой главе, является вытеснение различных форм коллективной «мы-идентичности» формами индивидуальной идентичности - «я-*

идентичность», что является следствием развития индивидуализма в современном обществе. Но чем более человек индивидуализирован, тем труднее ему обрести идентичность. В этих условиях важнейшую роль для сохранения и развития различных форм «мы-идентичности» играет этническая компонента, как одна из самых устойчивых форм коллективной идентичности.

Существует несколько значений понятия “идентификация”. С нашей точки зрения, идентификация – отождествление индивидом себя с неким иным социальным типом, субъектом, непосредственное переживание личностью той или иной формы своего позиционирования в рамках некоего социального объекта. Идентификация с некоторым объектом обеспечивает взаимную связь людей в группе, дает ощущение принадлежности к общему и единому, чувство безопасности и защищенности. Основное качество объекта идентификации заключается в том, что он должен быть значимым для большинства членов группы. В таком случае субъект готов объединить себя с ним, включить его в свой внутренний мир, принять его содержание как свое собственное. Отношение к объекту идентификации строится, как правило, на доверии, уважении, подражании и т.д.

Анализ механизма идентификации позволяет понять и объяснить многие социальные процессы и явления: в частности, разрыв преемственности между поколениями, источники конфликта отцов и детей и другие. Самоотождествление молодого поколения с обществом, со страной выражается в форме преемственности и воспроизведения в его среде всей совокупности социокультурных ценностей. Тогда юридическое гражданство, подкрепляемое формирование гражданской позиции или гражданственности, образуют в совокупности устойчивые формы идентичности молодых индивидов. Эти идентификационные формы дают ощущение постоянства, тождественности и непрерывности некоторой

картины мира, разделяемой с другими людьми, и составляют сущность так называемой «онтологической безопасности личности».

Результатом идентификации является научение посредством наблюдения за объектом и подражания ему. При идентификации субъект копирует внешние формы поведения других субъектов, самоутвердившихся в структуре объекта, определивших свою роль и функции в его рамках.

Идентичность, с нашей точки зрения, наилучшим образом определена Э. Эриксоном как субъективное ощущение своей самотождественности, которое является источником энергии и преемственности⁷.

Но не редки случаи и явления идентификационного моратория, в основе которого лежит процесс отчуждения молодежи от общества, когда увеличивается доля молодых людей ни с кем и ни с чем себя не идентифицирующих, ориентированных на самих себя, проявляющих гипертрофированную склонность к «Я»-идентичности. Так происходит индивидуализация идентичностей в среде молодежи⁸.

С точки зрения влиятельных социальных мыслителей Запада (З.Бауман, Э.Гидденс, А.Рено, Ж.Липовецки и ряда других), в современном обществе все чаще можно наблюдать феномен развития форм индивидуализма, проявляющихся иначе, нежели в предшествующие периоды. Данная форма самоидентификации субъекта представляет собой социальный феномен, по своим проявлениям граничащий с эгоизмом и нарциссизмом, который мы и обозначили выше как современный индивидуализм.

⁷ См.: Эриксон Э. Идентичность и неукорененность в наше время // Филос. науки. 1995. № 5-6. С. 218-219.

⁸ См.: Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. М.: Наука, 2007. С. 267

Для него характерно не столько утверждение индивидуальности в ее различии с другой индивидуальностью (утверждении индивида «в своем собственном имени»), сколько обретение независимости каждого в отношении целого, высвобождении из-под коллективного: этот индивидуализм есть также «индивидуальный эгоизм, в котором каждый рассматривает себя отдельно от общества или человечества»⁹.

В предельной перспективе данная тенденция ведет к атрофии социальных связей, неполноценному функционированию общества. Еще одним последствием данной тенденции может служить кризис различных форм «мы-идентичности». Действительно, современное общество представляет большие возможности для развития индивидуальности человека, однако это оборачивается также и тем, что «индивидуализированный» (З.Бауман) современный человек перестает идентифицировать себя с коллективными формами идентичности, или «мы-идентичности», он перестает ощущать свой долг перед кем-либо¹⁰, а без «Мы» (общность) невозможно и «Я» (индивидуальное).

Но когда влияние традиций и обычаев в мировом масштабе ослабевает, меняется и сама основа самоидентификации – ощущение себя как личности. Когда традиции теряют силу и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть ощущение молодым человеком себя как личности. Он должен гораздо активнее, чем раньше, создавать и воссоздавать свою собственную идентичность¹¹.

«Растрадиционирование» российского общества продолжает углубляться, даже в условиях формальной политической стабильности.

⁹ См.: Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб.«Владимир Даль», 2002. С. 293.

¹⁰ В обыденной жизни все чаще слышны расхожие выражения, такие, например, как «я никому ничего не должен», тогда как без принципов ответственности и долга, хотя бы перед собой, невозможно конституирование индивидуальности и сопряженной с ней субъективности.

¹¹ См.: Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 63-64.

Это выражается, в частности, в том, что «Я-идентичность» постепенно заменяет различные формы и проявления «Мы-идентичности». *Индивидуальное «Я» современного молодого человека в обществе оказывается лишенным «Мы», что ведет к потере индивидуальности, ибо если не существует понятия «Мы», то невозможно и понятие «Я».* Человеку свойственно по самой его социальной природе говорить не только «Я», но и «Мы», без умения проводить и отстаивать дихотомию «мы – они» личность теряет устойчивость, становясь неврастеничной¹². В этих условиях индивидуальность современного молодого человека нуждается в новых формах сплоченности, тогда как интегрирующих факторов становится все меньше. Наука, власть, рабочий класс, армия, семья, церковь, партии и т.д. перестали функционировать на глобальном уровне как абсолютные и неприкосновенные институты. Растет волна недовольства, лишаящая социальные институты их бывшего значения¹³.

Разбив общинные или корпоративные перегородки, локализовавшие людей к предписанному положению, современность поставила индивида перед мучительной задачей построения собственной социальной идентичности, тогда как в традиционном обществе идентичность обреталась коллективно. Так, римское республиканское государство эпохи античности представляет классический пример той стадии развития, на которой принадлежность к семье, племени или государству, то есть «Мы-идентичность» отдельного человека имела в балансе между Я и Мы значительно больший вес, чем сейчас¹⁴.

Как известно, свобода у древних определялась степенью участия в общественных делах и прямым проявлением суверенности, но эта «коллективная свобода» была совместима с полным подчинением

¹² Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. С. 223.

¹³ См.: Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. С. 58-59.

¹⁴ См.: Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. С. 217-218.

индивида свободе всех. Но в эпоху, когда «затерянный в толпе индивид почти никогда не замечает того влияния, которое он оказывает на социум, «мы должны быть гораздо сильнее привязаны к нашей индивидуальной независимости, нежели древние».¹⁵ Именно таков пафос современности, когда индивидная самость молодого человека порой не уже не принимает ценностную архаику вчерашнего дня, а новая ценностная система им еще не отрефлексирована им в силу ее аморфности. В итоге, мы наблюдаем кризисные проявления процесса самоидентификации современной молодежи, первым следствием которого является нивелировка ценностей социального должностования, что существенно гипертрофирует формы субъектного проявления человека в структуре общественных взаимодействий. В этих условиях становится все более проблемным согласование разнонаправленных интересов не только на субъект-объектном уровне (социальный институт – личность), но и на уровне межличностных отношений, ибо утрачиваются ранее устойчивые формы преемственности в воспроизводстве ценностных предпочтений, продуктивных стереотипов консолидированного взаимодействия, традиций.

Но как известно, именно традиции определяют многие истины и во многом обуславливают порядки «замиренности» (М.Ковалевский) в действиях субъекта. Человек, следующий традиционному образу мыслей и действий, не задается вопросом об альтернативных вариантах. С другой стороны, чем меньше люди связаны традицией, тем сильнее становится внутреннее движение мотивов, и тем больше становится внешнее беспокойство, взаимное столкновение людских течений, полифония стремлений¹⁶.

¹⁵ Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб. Владимир Даль, 2002. С. 67-68.

¹⁶ См.: Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Сочинения в двух томах. М.: «Мысль», 1990. Т. 1. С. 254.

Указанные противоречия приобретают чрезвычайную актуальность в рамках российского социального пространства, ибо прежние универсальные модели гармонизации взаимоотношений между индивидом и обществом, такие, например, как «социализм», «гуманизм» становятся все менее эффективными, современный молодой человек постоянно пересматривает свою идентичность, не находя, порой, адекватной техники самоидентификации. В данном случае утрачивается принцип интерсубъективности, а тем самым подрывается всякая иная ценность, кроме ценности утверждения «Я».

Для современного индивидуализма характерно не столько утверждение индивидуальности в ее различии с другой индивидуальностью (утверждении индивида «в своем собственном имени»), сколько обретение независимости каждого в отношении целого, высвобождении из-под коллективного: этот индивидуализм есть также «индивидуальный эгоизм, в котором каждый рассматривает себя отдельно от общества и человечества, или одной из его совокупностей»¹⁷.

Политическая история XX столетия продемонстрировала: общества, испытывавшие угрозу своей сплоченности и гармонии, пытались под влиянием грубо сработанных теорий оживить коллективное сознание и с крайней нетерпимостью подавляли инакомыслие (нацизм, фашизм, сталинизм). Тогда как, с другой стороны, крайний индивидуализм грозит полной утратой коллективного взаимодействия - и современность тому ярчайший пример. Индивидуализированного человека побуждает отважиться выйти на общественную сцену не столько поиск общих причин и способов договориться о значении общего блага и принципах

¹⁷ См.: Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб. Владимир Даль, 2002. С. 293.

совместной жизни, сколько отчаянная потребность в «подключении к сети»¹⁸.

Отождествление действующего лица с потребителем, стремящимся достигнуть на рынках труда наибольшего удовлетворения при наименьшей цене, реальным следствием может иметь разрушение общества как системы и утраты соучастия, которое, в свою очередь, несет за собой угрозу утраты индивидуальности современного человека. Это, как уже было показано выше, является одним из крайних выражений индивидуализма, который обуславливает характер ценностных предпочтений современного молодого человека.

Указанные ценностные девиации, нашедшие отражение в сознании значительной части современной российской молодежи, в очередной раз свидетельствуют о реальной возможности утраты ими целевой идентификационной функции, когда они «...уже не понимают, что за «Дело» (лат. - «res publica») заставляет индивидов жить сообща, что за априорное стремление тянет живые существа друг к другу?»¹⁹

Очевидно, что современность нуждается в поиске коллективной идентичности, коллективных целей, вопрос лишь в том, возможна ли такая идентичность и не приведет ли ее настойчивый поиск к новым ужасным формам коллективизма, коих в предыдущем столетии было более чем достаточно? Таким образом, *коллективная идентичность представляется апористичной и заменяется в сознании молодежи индивидуальной, ибо сама современная социальная обыденность провоцирует замену в сознании людей гетерономного определения социального положения (статуса, функции, роли) индивидуальным самоопределением на основе указанных выше ценностных ориентаций.*

¹⁸ См.: Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 45.

¹⁹ Марков Б.В. Между индивидуальностью и субъективностью // В кн. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 468.

Проблема заключается еще и в том, что в современном российском обществе пока нет главного – действенных субъектов национального развития, назначенных не «сверху» и призванных выполнять указания «по долгу службы», а произрастающих из недр общества. Во многом поэтому на сегодняшний день энергия общества остается в значительной степени невостребованной и в основном направлена на обустройство частного жизненного пространства. Эти обстоятельства обусловлены, в частности, тем, что отечественное социальное пространство несет в себе существенную специфику, связанную с относительной адаптированностью к многочисленным драматическим изменениям, что и явилось фактором, имплицитным многочисленным проявлениям противоречивой идентификации, отмечаемые преимущественно в молодежной среде.

Социальная самоидентификация молодых людей находится в непосредственной связи с процессом социальной интеграции и становления гражданственности этой социально-демографической группы. Основанная на осознанной связи с социальным окружением, идентификация отражается в мотивационной сфере молодежного сознания в виде готовности к принятию гражданских обязанностей перед обществом и к проявлению максимальной социальной активности. Но, как показывает современная социальная практика, не редки явления идентификационного моратория, в основе которого лежит процесс отчуждения молодежи от общества, когда увеличивается доля молодых людей ни с чем себя не идентифицирующих, ориентированных на самих себя, проявляющих гипертрофированную склонность к «Я»-идентичности²⁰. Происходит процесс индивидуализации идентичностей в среде молодежи, который находится в фокусе анализа, предпринятого в этом разделе.

²⁰ См.: Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. М.: Наука, 2007. С. 267.

Ощущение людьми уверенности в преимуществах окружающего социального и материального мира, в котором они действуют, обуславливает устойчивость социального взаимодействия на макроуровне. В противном случае идентификационные модели молодежи противоречивы и неопределенны, а в некоторых ситуациях проявляется делинквентная идентификация.

Потеря референтной роли мира взрослых резко снижает ценности традиционной культуры, носителями которой они являются. Однако потребность в идентификации сохраняется, поэтому молодежь ищет замещающие объекты, которые и осуществляют трансформацию ее ценностных ориентаций. Механизм идентификации является определяющим при формировании культурной уникальности и целостности личности, национально-культурного самосознания народа в целом, так как в ходе процесса идентификации приобретаются или усваиваются ценности, нормы, идеалы, роли и нравственные качества другого субъекта или социальной группы, являющейся носителем этих норм и ценностей²¹.

Сама же идентификация может рассматриваться на двух уровнях: как механизм (средство) формирования молодежных групп и как самоценный процесс личностного развития. В связи с этим ценности молодежной субкультуры можно рассматривать как объект групповой идентификации личности, а социальную общность – как структуру, опосредующую и выстраивающую систему отношений "человек – мир", которая определяет не только статусные признаки данной группы, но и ее роль, и характер влияния на развитие процессов социальной динамики в целом. Именно поэтому молодежь как субъект опережающего отражения часто оказывается в фокусе не только аксиологического,

²¹ См.: Мартынова В.В. Идентификация и трансформация ценностных ориентаций молодежи в новой культурной среде. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://www.aud/scientist.ru/text-12>.

социокультурного, но и порой футурологического анализа перспектив развития общества.

Представитель ценностного или аксиологического подхода к анализу социальной динамики Макс Вебер говорил о том, что если гуманитарная наука претендует на статус науки, то для нее важно удовлетворять требованиям общезначимости. Предпосылкой таких наук является наличие «ценностных идей». Какая из ценностей является определяющей, зависит не от мнения, желания, произвола ученого, а от того, насколько она предстает продуктом духа времени и духа культуры²².

В своих трудах М. Вебер затрагивает проблему западноевропейского человека, которая выразилась в разрушении идеалов Добра, Красоты, Истины. В такой ситуации появляется необходимость придать смысл своему земному существованию с помощью идеалов и ценностей, и пройти это испытание человек должен достойно. Здесь важно направить усилия на то, чтобы понять, осознать те ценности, которые люди считают «своими»²³.

В этой связи важной представляется позиция Георга Зиммеля, который разделял ценностные преференции человека, обуславливающие характер его социального позиционирования, на два уровня (две стихии). К первой он относил: любовь, благодарность, долженствование и многое другое, что обеспечивает культурную самость человека и его социальную паритетность. Но в качестве второй стихии – особо значимых ценностей Зиммель кульминировал деньги и социализированный интеллект (рациональность)²⁴.

Деньги – это «вечный двигатель», который раскручивает, разворачивает «социальную машину» по своему собственному

²² См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 129.

²³ См.: там же, С. 155.

²⁴ См.: Зиммель Г. Конфликт современной культуры. М.: ЛОГОС, 2001. С.96.

усмотрению. Они скрепляют разнохарактерные элементы общества, конкурируя здесь с идеологией, религией, этикой. Эта независимая от воли и разума стихия способна вытеснить мораль, и честь, достоинство, и различные порядки социального долженствования человека, являющиеся основанием организационного порядка общества и, одновременно, стержнем, опорой субъектного бытия личности.

Отражением этого является акцентированное убеждение подавляющего большинства современных молодых людей в том, что бедность — справедливый удел тех, кто не обеспечил свое материальное благополучие, что отнюдь не является проявлением их жестокости или эгоизма. Здесь мы имеем дело с явлением более глубокого порядка — сломом коллективистско-патерналистского типа сознания, берущего свое начало ещё в русской общине, которая заботилась о своих беднейших членах. На смену ему в современную молодежную среду входит модель индивидуалистического утилитарного сознания западного типа. Краеугольная основа этого типа сознания — человек, “сам себя делающий”, а, следовательно, сам несущий ответственность за последствия всех своих действий.

В современном обществе, в том числе и в России, происходит активное разрушение эмоциональных связей между людьми, разрастается отчуждение. И деньги, в этих условиях, избавляют от любых зависимостей, но ярко демонстрируют, как все покупается путем душевного и духовного опустошения, утраты чувства родства, любви, дружелюбия и долга. Сейчас, когда материальные ценности находятся по значимости на одном из первых мест, мы утверждаем, что *новая истинная духовность, в основе которой лежат императивы долженствования, смогла бы стать альтернативой укрепившемуся в постсоветский период денежному фетишизму.* Ибо ценности не имеют действительного существования и не обладают собственным бытием, но они имеют

значение абсолютных норм и свою повсеместную область применения. Однако видимое «обнищание» ценностей в России сегодня, к сожалению, не оставляет сомнений.

Еще Макс Шелер в своей известной работе «Ресентимент в структуре морали», впервые опубликованной за два года до первой мировой войны, будто бы описывает социокультурную ситуацию в России дня сегодняшнего. Он выделяет ценность полезного и ценность витального, при этом последнюю, по его мнению, с очевидностью следует предпочесть первой. Эти ценности конкретизируются соответственно как ценность «сохранения» и ценность «развития», как ценность «приспособления» и ценность «завоевания», как ценность «орудия» и ценность «органа»²⁵.

Между тем современная мораль несет в себе более глубокое изменение рангового порядка ценностей – возрастающее подчинение ценностей жизни ценностям полезного, усугубившееся с победой коммерческого духа и проявляющееся даже на уровне конкретных оценок. Сегодня отмечается подчинение «должного» «полезному». Меняется смысл понятий всех положительных качеств. Даже там, где за ними остаются прежние имена, под ними имеется в виду нечто совершенно новое, иное. Теперь сама жизнь – индивида, семьи, рода, народа – в самом факте своего существования должна быть оправдана пользой. Характеризуя данную ситуацию, можно вслед за Э.Фроммом сказать, что категория «иметь» оттесняет категорию «быть» в системе социокультурных ценностей современного человека²⁶.

С таким новым критерием жизнеустройства оказались несовместимы два главных устоя русской культуры - нестяжательство и солидарность.

²⁵ См.: Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. С.168-169.

²⁶ См. подробнее: Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ МОСКВА, 2007.

Ресурсы всегда ограничены, и за них приходится конкурировать. Следовательно, сильные в таком обществе должны хладнокровно уничтожать слабых. Поэтому с самого начала периода Перестройки была развернута идеологическая кампания по изменению антропологической модели по внедрению в массовое сознание нового представления о человеке и его правах²⁷.

Итак, в постсоветской России присутствуют практически все признаки цивилизационного кризиса, являющегося индикатором истощенности ценностей общества, которые служат основой и фундаментом любой культуры, о которых в свое время говорил П. Сорокин²⁸. *Наблюдения за динамикой российской социальности дают основания утверждать, что выход из данного кризисного состояния осуществляется посредством дрейфа в сторону утверждения в сознании людей «универсальных западных ценностей»²⁹, две из которых, а именно: отказ от надындивидуальных целей в пользу личностных и принятие социального неравенства как нормального явления уже стали атрибутом представлений современной молодежи, что сопровождается конфликтом ценностей в процессе их социальной идентификации, разрушающим структуру «социальной ткани», еще не сложившейся структуры гражданского общества.*

Эти процессы связаны с проникновением в Россию, благодаря информационной экспансии Запада, не свойственной ей этической системы, не ставящей нормативных преград девиантному поведению во всех сферах общественной жизни. Тем самым обозначается тяжелый переход от идеационно-идеалистической к чувственной социокультурной

²⁷ См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2006. С. 330.

²⁸ См. подробнее: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель. 2006.

²⁹ Речь идет о позиции Т.Парсонса об аксиологических универсалиях, см.: Parsons T. Evolutionary universals in Society // Amer. Social. Rev. №4. 1964. Vol.29, №3.

системе западного образца, который оказывается чрезвычайно тернистым и противоречивым.

В журнале «Воля народа» (1917 г. № 99) Сорокин назвал Россию больным человеком и болезнью, опасной болезнью, которая может привести к могиле. С тех пор прошло много лет, многое изменилось, но вопрос, касающийся времени завершения болезни, пока остается открытым³⁰.

Очевидно, что в данной ситуации необходимо разработать пути выхода из сложившегося кризисного состояния. Такими путями, по нашему мнению, могут стать, прежде всего, совершенствование духовного мира человека, формирование в стране новой духовности. Этой новой духовностью применительно к развитию всего государства может стать только соответствующая целостная и интегративная идеология, основанная на ценностях классической культуры, традиционной религии и искусства.

Известно, что ценности, выработанные той или иной культурой, усваиваются непосредственно в процессе социализации. Посредством ее формируются представления о мире, происходит приобщение к духу культуры, идее той или иной эпохи, народа. Но известно также и то, что «...предмет, обладающий позитивной значимостью, которая не отражена в сознании человека или отражена неявно, оставляет человека равнодушным к нему или же вызывает действия, неадекватные реальной роли предмета в жизни и деятельности человека»³¹. Поэтому в основу системы социализации и патриотического воспитания молодежи должна быть положена идея формирования «нового типа человека» с иной, нежели ранее, системой ценностей. Речь идет о развитии и трансформации ценностных установок представителей отдельных культур, приближение

³⁰ Цитата по Кутлыгин В.П. Классическая социология. М.: Наука, 2000. С. 427.

³¹ Бакиров В.С. Ценностное сознание и активизация человеческого фактора. Харьков, 1988. С.37.

их к общечеловеческим ценностям, способным обеспечить бесконфликтное позиционирование субъекта на фоне нормативно утвержденных принципов гражданского должествования.

Структурная модель культуры переходного периода, описанная Н.Бердяевым, удивительно точно воспроизводит сегодняшнюю социокультурную ситуацию, когда культ высоких образцов упраздняется и, соответственно, упраздняется «классическая» модель культуры³². Новые культурологи прозападной ориентации утверждают лишь один критерий для всех культурных образцов – качество жизни, степень ее комфортности и технологического совершенства. Эти трансформации фиксируются как ценностный «синдром постмодернизма». Сюда входят трансформации «картин мира»: от изменения политических целей до изменения культурных, религиозных, семейных норм, а также изменения мировоззрений на макро- и микроуровнях - социальном и личностном.

По большей части они выражаются в стремлении политических инноваторов внедрять западные модели образа жизни в нашу среду. В равной мере это относится к моделям гражданского должествования.

Иначе говоря, политика расширения границ по схеме поликультурализма есть по сути политика размывания границ единого культурного пространства, созданного многовековой российской историей, подмена исконно отечественных культурных традиций и традиций должествования альтернативными культурами, не имеющими никаких корней в России и несущими ей чуждый образ жизни, ценностей и нравственности.

Принцип иерархичности культуры как наличия шкалы культурных ценностей, о которой писал Н.Бердяев, замещается демократическим принципом равенства всех культур. Более того, в концепции

³² См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Н.А. Бердяев. М.: Наука, 1990.

мультикультурализма эта иерархия культурных ценностей представлена как политическая, как некая структура «имперского» свойства, как «культурный империализм» с преобладанием в его парадигме «универсальных» ценностей³³.

В сфере образования свержение «культурного империализма» реализуется через внедрение «педагогики альтернатив», которая напрочь отбрасывает всю исторически сложившуюся систему культурных образцов как устаревшую. Именно в таком контексте мультикультурализм представлен в отечественных системах образования и профессиональной социализации, как метод «культурного многообразия» и «межкультурного обогащения», который сегодня пропагандируется в качестве приоритетного.

Более того, принцип «плюрализма идентичностей» как возможность для молодежи «выбирать» свою идентичность в противовес стандартам, навязываемым обществом, где на самом деле уже четко распределены статусно-ролевые обязанности и, соответственно, закреплено определенное «место» каждого индивида в социуме, оказывается, в сущности, подрывом существующего порядка вещей, перспектив социокультурного выбора, самоопределения молодежи³⁴.

В странах с «отлаженной» демократией социальная мобильность является основой продвижения человека в обществе посредством изменения его социально ролевых функций. В нашем обществе, где отсутствует демократическая среда в ее западном выражении, где социальная стратификация приобрела уродливые формы, обозначив лишь крайние полюса, принцип социальной мобильности вне реальных очертаний социального пространства, как и проблема выбора, может

³³ См.: Ушакин С.А. Мультикультурализм по-русски или о возможностях педагогики постмодерна в России // Полис. 1997. № 4. С. 123.

³⁴ См.: Безклубая С.А. Культурология в системе технического образования: синтез интеллекта и творчества // Социально – гуманитарные знания, 2001. № 5. С. 161.

оказаться весьма провокационной идеей и сыграть крайне негативную роль в процессе самоидентификации молодежи на фоне декларируемых принципов гражданского должествования, определения ценностных оснований ее жизнедеятельности на определенную перспективу. Поэтому прогрессивный на первый взгляд принцип свободных социокультурных реалий, привнесенный на нашу почву, может обернуться непредсказуемыми социальными проблемами, многие из которых уже проявляются сегодня в молодежной среде.

В концепции «педагогики без границ» личность как «совокупность отношений» жестко не детерминирована и всякий раз обретается заново посредством активного «потребительского выбора». Отсюда — занижение понимания структуры личности до уровня «потребителя». Но самое главное — его насаждение релятивистской модели поведения в отношении неустойчивой системы этических, правовых отношений и реализации на практике аморального принципа «что не запрещено, то разрешено»³⁵.

Даже не затрагивая в таком контексте основных абрисов развития базисных структур личности, мы видим, что такая политика в сфере образования и воспитания однозначно окажется стимулятором девиантного поведения. Исчерпывающим доказательством этого является выраженная дегуманизация сознания, примитивизация отношений в данной среде и усиливающийся правовой нигилизм как специфические техники самоидентификации современной молодежи.

Закономерно, что в силу именно этих причин *сейчас и происходит тотальная вивисекция инструментальных ценностей и разнообразных форм самоидентификации молодежи, что, безусловно, подрывает основания российской социальности и ограничивает перспективы ее*

³⁵ Подробнее, см.: Магарил С.А. Интеллигенция и будущее России // Социально – гуманитарные знания, 2003. № 4. С. 20–31.

развития. Очевидно, что в экономически неблагополучном обществе будут преобладать банальные материальные ценности, вследствие чего вполне возможен «рецидив авторитаризма».

Уже накоплены базы данных, «всемирные обзоры ценностей», в которых исследованы межуровневые зависимости между культурой и демократическими институтами и сделаны следующие выводы: если макроуровень представлен стабильной демократией, то микроуровень — доверием и ценностями субъективного благополучия»³⁶. Если рассматривать наше общество по этому показателю, то и на макро- и микроуровнях мы видим рост недоверия, отчуждения, не говоря уже об отсутствии «субъективного благополучия» для большинства населения. Роль культуры, таким образом, по-разному измеряется и оценивается в процессах трансформации ценностей в реформирующихся обществах как результат социетальных изменений, или наоборот, как их фактор. Видимо, различие выводов зависит от того, что считать культурой. Считать ли культурой «высшие» образцы человеческой деятельности и долженствования, синтезирующие исторический опыт поколений, или образцы технологичности, комфортабельности?

Вся перестройка мироотношения сегодня понимается как постмодернизация, межгенерационная теория «смены поколений», означающая путь «ускоренной» смены поколений. В контексте ее — социетальная цель — экономический рост на микроуровне означает доминирование «положительной мотивации», перед которой отступают все моральные нормы, идеалы, ценности³⁷.

³⁶ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С.41.

³⁷ Селезнева Е.Н. Проблемы трансформации культурных ценностей в моделях образования и культурной политики // Социально-гуманитарные знания. 2001. №1. С.43-51.

С другой стороны, постмодернистский принцип реконструкции в условиях нестабильного общества обретает провоцирующий характер, поскольку призывает критически отнестись к исторически сложившимся ценностям – отечественным традициям, т.е. тем ценностям, которые интегрируют целостность и солидарность поколений.

Сегодня эта солидарность поколений квалифицируется как «тотальность». Соответственно, звучат призывы воспитывать негативное отношение к отечественной культуре как «тотальной». Из подобного анализа социокультурной ситуации в России и призывов к созданию «новой» культуры, базисом которой явятся ценности постмодерна, и формируется политика в сфере социализации молодежи, ориентированная на сознательную маргинализацию ценностей долженствования, укорененных в отечественной культуре. В силу этого, а также благодаря мощному информационному прессингу, несущему экспансию «западных» ценностей, и происходит процесс социальной идентификации молодежи, некоторые результаты анализа которого были представлены в этом параграфе.

2.2. Трансформация системы ценностей молодежи и ее влияние на отношение к воинскому долгу

Ценностные ориентации в жизни современного общества отражают реальное состояние общественного устройства, материальное благосостояние различных социальных групп, их психологические потребности и отличаются большим своеобразием и многосторонностью. Они непосредственно сказываются на консолидации общества, ликвидации сепаратистских тенденций и на сфере нравственности. При этом ценностные ориентации могут выступать консервативно,

прогрессивно или апатично, и тем самым замедлять или, наоборот, форсировать процессы развития общества.

Молодежь, являясь характерной социальной группой, наиболее остро отражает перемены, происходящие в стране под влиянием тех же по существу противоречивых факторов. Этой группе присущи качества (неустойчивость взглядов, эмоций, непризнание авторитетов и др.), которые генерируются в процессе отражения различных проявлений социальной действительности. Причем период ее обучения в различных структурах института образования приходится на время наиболее интенсивного психологического и социального формирования личности, ее взросления, осознания молодым человеком его роли и места в обществе. Это процесс ломки прежних стереотипов жизнедеятельности, обусловленный скачкообразным изменением сферы социального общения и социокультурной среды в целом. На этом фоне в молодежной среде происходит существенная трансформация системы ценностных ориентаций.

Рассмотрим кратко некоторые порядки указанной трансформации при болезненном переходе от советского периода к постсоветскому.

Известно, что советский период (до конца 1980-х годов) был связан с внедрением в общественное сознание идей социализма и коммунизма, согласно которым считалось, что социально-экономические отношения приведут к равенству и благосостоянию всех слоев общества. Был провозглашен принцип удовлетворения всех человеческих нужд по труду, а позднее и по потребностям. На практике же в советском государстве была создана жесткая авторитарная система, полностью подчиненная единой идеологической линии, но в то же время создавались благоприятные условия для формирования ценностных установок населения, необходимых для поддержания и реализации принципов этатизма, таких как любовь к Родине, советский патриотизм и др.

В силу этого в сознании молодежи того времени кульминировались ценности социального равенства, трудовой этики и другие провозглашаемые (но далеко не всегда реально осуществляемые) идеологизированные ценностные императивы социализма и коммунизма.

Согласно результатам исследований молодежи, проведенными различными авторами в конце 70-х годов, то есть в период, предшествовавший началу социально-экономических реформ, преобладающей была ориентация на интересный, содержательный труд (так ответили 53,7 % опрошенных)³⁸. Возможность «приносить людям пользу» была основным мотивом при выборе жизненного пути для 60% респондентов. Среди наиболее престижных профессий преобладали: инженер - 35% опрошенных, врач - 23%, военный - 18%, учитель - 15%, причем ориентация на высокий заработок была свойственна лишь 12,3%. Подобные идеалы проявлялись и в культурной жизни советской молодежи. Так, 80% опрошенных читали художественную литературу, в театрах бывали - 71,4%, посещали концерты - 54,3%³⁹.

Постсоветский период с самого начала обозначил целый ряд новых, не имевших ранее места в России противоречивых тенденций. Среди них, с одной стороны, возникающие элементы рыночной инфраструктуры, переход к ликвидации товарного дефицита, прекращение интенсивного роста цен и демократизация общества; а с другой - усиление социально-экономического неравенства и огромное различие в уровне жизни, расслоение общества на богатых и бедных, спад производства и рост безработицы, разгул преступности и коррумпированность органов управления, ограбление людей различными «финансовыми пирамидами» и т.д.. В этих условиях народ практически лишился важных социальных гарантий, которыми располагал многие десятилетия ранее.

³⁸ См.: Титма.М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. М.: Мысль, 1986. С. 97.

³⁹ См.: Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. М.: Наука, 1984. С. 39.

Ломка экономических, административно-политических и ментальных условий на рубеже 80-90-х годов повлекла за собой коренную трансформацию ценностных ориентаций как в обществе в целом, так и среди молодежи. Известное влияние на формирование этих ориентиров оказала демократизация СМИ, благодаря которой все социальные группы существенно расширили прежние рамки информационного обмена.

Вместе с тем, значительные изменения претерпела и социальная структура молодежи. Если в прошлом это были выходцы из когорт, входивших в состав «сталинской трехчленки», то к настоящему времени большинство представлено выходцами из семей бизнесменов и бюрократии разного уровня и качества. Прежний же социальный состав молодежи по своей численности за годы перемен был существенно нивелирован.

Создание в стране новых, нестабильных социально-экономических условий и противоречивость во взглядах политиков, общественных деятелей и интеллигенции привели к разобщенности ценностных ориентаций не только в различных социальных группах, но и внутри каждой из них. Последние опросы показывают, что для подавляющего большинства молодежи приоритетными являются совсем иные, нежели ранее, ориентиры. Среди них стали доминировать факторы обеспечения материального благополучия, причем более 40% опрошенных в качестве жизненного идеала называют возможность «жить беззаботно и развлекаться». Среди жизненных устремлений преобладает желание «иметь хорошее здоровье», «делать всегда то, что хочется»⁴⁰. Как видно, в структуре данных приоритетов отсутствуют ценности долженствования в целом и ориентации на выполнение каких-либо гражданских обязанностей.

⁴⁰ Данные приводятся по: Вершинина Н.А. Трансформация системы ценностных ориентаций молодежи // Динамика современных ценностей: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: МГУ, 2008. С. 46.

Данную реальность нельзя не учитывать, ибо она привносит различные порядки циничного прагматизма во все сферы жизнедеятельности современной молодежи. Ее представители в подавляющем большинстве видят свои перспективы только в разрезе реализации личных интересов и потребностей преимущественно статусного или материального плана. Так, например, на смену романтическим аспектам в выборе профессии приходят прагматические мотивы карьеры, материального благополучия, учебы ради получения диплома. Эти обстоятельства фиксируются в результатах многочисленных исследований последних лет⁴¹. В то же время выказывается пренебрежение к традициям старшего поколения (патриотизма, гражданского долга перед Отечеством и другими ценностями общегосударственного и нравственного характера), которые все больше отходят на второй план. Мало кто относит к основным ценностям ориентацию на продуктивную работу по полученной специальности, коллективизм, товарищество, выполнение гражданского долга.

Одновременно и стабильно увеличивается число тех, кто намерен работать в коммерческих структурах, правоохранительных и таможенных органах с учетом престижности будущей работы, перспектив карьерного роста, уровня оплаты труда, а также многие молодые люди ориентированы

⁴¹ См., например: Аношкина, В.Л. Образование. Инновация. Будущее: Методологические и социокультурные проблемы. Ростов-н/Д: Изд-во РОИПК и ПРО, 2001; Быков С.Н., Чупров В.И. Молодежь России: на пороге рынка между бедностью и нищетой // Социологические исследования. 1991. №9. С.62-68; Воробьев Г.Г. Молодежь в информационном обществе. М.: Мол. гвардия, 2000; Голубкова, Н.Я. Социальное поведение учащейся молодежи // Социологические исследования. 2004. № 9; Кашенко А. Трансформация социокультурных ценностей постсоветской России как социально-философская проблема. // Ценностные основания человеческой деятельности. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1999; Кирилова Н.А. Ценностные ориентации в структуре интегральной индивидуальности молодежи // Вопросы психологии. 2008. №4; Курлов, А.Б. Социальные перемещения молодежи в студенчество. Уфа: Автор-Проект, 2000; Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. №5. С.3-8.; Миронов А.А. Молодежь в условиях перехода к рыночным отношениям // Социологические исследования. 2007. №3. С.39-45. и многие другие.

на работу за границей⁴². Идеальная профессия, по мнению молодежи, должна давать возможность «хорошо зарабатывать» и «хорошо жить». Общественный смысл труда, потребность «быть нужным обществу» среди мотиваций не упоминается. Кроме того, более половины молодых людей связывают мотивацию трудовой деятельности исключительно с деньгами и стремлением заработать их любыми средствами, в том числе противоправными. Почти 80% респондентов вообще не стали бы работать, если бы были материально обеспечены⁴³.

Такая трансформация системы ценностных ориентаций современной молодежи вполне понятна и может быть логически объяснена. Резкий и бесповоротный слом всей социально-экономической системы советского общества, существовавшего более 70 лет, не мог не отразиться на судьбе каждого человека. Люди, на протяжении многих лет жившие с уверенностью в завтрашнем дне, в один миг лишились всяких гарантий. Кардинально изменились условия жизни, многим приходилось выживать в непривычной обстановке. Старые стереотипы и ценности в постреформенном обществе утратили свой смысл, а новые еще не успели сформироваться. В результате у молодого человека выстраивается достаточно противоречивая система ценностных предпочтений. С одной стороны, на формирование этой системы влияет старшее поколение, еще не пересмотревшее свои идеалы, с другой, - общество, начинающее жить по законам рыночной экономики и внедряющее совершенно новые ценности.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что *общественные интересы в структуре ценностных ориентаций современной молодежи ушли далеко на второй план. Приоритетным*

⁴² См.: Вершинина Н.А. Трансформация системы ценностных ориентаций молодежи // Динамика современных ценностей: Материалы Всероссийской научной конференции. М.: МГУ, 2008. С. 49.

⁴³ См.: Там же. С.51.

является достижение личного благополучия и получение удовольствия от жизни, причем, и то и другое неразрывно связано с наличием материальных масс различных форм и порядков, для присвоения (приобщения) которых допускаются почти все средства. При этом ценности долженствования и гражданственности порой вообще не рассматриваются, либо фиксируются в качестве раздражающих факторов – неких антиподов сложившимся у большинства молодежи ценностным представлениям.

Характерно еще раз отметить, что важную роль в этой связи сыграл либерализм, достаточно активно проповедуемый у нас в последнее время. Эта интенция, претендуя на личностную идеологию, связала свободу с частной собственностью (Д.Локк). В связи с этим либерализм обрек себя на то, чтобы заниматься преимущественно или даже, как выражается Л. Фон Мизес, «...исключительно материальным благополучием человека»⁴⁴.

Все это обуславливает существенные социальные проблемы, которые определенным образом влияют на характер развития социальности общества в целом и, безусловно, на рефлексии порядков долженствования субъекта в частности, которые в контексте предмета нашего исследования рассматриваются в ракурсе отношения молодежи к воинской обязанности. Эти проблемы обусловлены тем, что базовые ценности либерализма, о которых шла речь выше, выводят человека за рамки национальной и корпоративной ограниченности и плохо сочетаются с требованиями армии.

Главными детерминантами указанных отношенческих феноменов мы полагаем следующие факторы:

- сложившиеся за последние годы стереотипы восприятия армии;
- практики взаимодействия субъекта с армией и ее представителями;

⁴⁴ Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции. М.: «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001. С. 10.

- само информационное пространство, в котором присутствует широкий спектр оценок деятельности данного социального института и масса его локальных имиджевых характеристик.

Кратко рассмотрим структуру каждого из указанных факторов, фундирующих не только отношение молодых людей к службе в Вооруженных силах, но и во многом характер складывающейся в сознании субъекта системы гражданского долженствования.

1. Итак, стереотипы восприятия армии достаточно сложны и многослойны. Армия как институт общества является в значительной степени индикатором силы государства, а также фактором формирования авторитета страны в мире. Она во все времена представляла собой предмет повышенного интереса со стороны общества, ибо вооруженные силы остаются, так или иначе, важнейшим фактором политическо-экономической и, естественно, военно-стратегической политики России в целом мире.

Вместе с тем, резкое ослабление позиций армии в российском обществе за последние десятилетия достаточно серьезно разрушило представления общества об армии, сложившиеся в советский период, что привело к тому, что в различных поколениях россиян и даже в различных социальных слоях отношение к современной российской армии стало дифференцировано⁴⁵.

Стереотипы советского периода в большей степени связаны с имперскими ожиданиям. Для того времени были характерны авторитет офицеров и уважение к военным как к привилегированной и даже элитной части общества. Человек в форме вызывал уважение, служба в армии считалась если не почетной, то необходимой, а брак с военным считался

⁴⁵ Обзор этих и некоторых других смежных проблем представлен в статье: Гончаров, В.В. Укрепление обороноспособности Российской Федерации как перспективный приоритетный национальный проект // Национальные интересы. 2010. № 1. С. 14-18.

наиболее удачным. Современные российские представления об армии гораздо менее комплиментарны. Они все в большей степени сводятся к таким суждениям, как: армия консервативна; предельно коррумпирована; небоеспособна; военные – когорта социально несостоятельных субъектов и т.д.⁴⁶.

2. Очевидно, что указанные отношенческие стереотипы имплицитно существуют в сознании молодежи призывного возраста в силу того, что именно им в скором времени предстоит включиться в специфические взаимодействия в структуре данного института. Более того, все, что связано с призывом на срочную службу (общение с военкоматом, медкомиссиями и т.д.) вызывает у большей части молодежи и их родителей ярко выраженную негативную реакцию. Кульминацией совокупности указанных реакций стал следующий неформальный императив: «Армия стала символом уязвленности социального положения подростков и молодежи».⁴⁷

Последнее обстоятельство, с очевидностью, разрушительно влияет на основания социальности нашего общества, во многом лишает его каких-либо перспектив цивилизованного развития, т.к. имплицитно переводит когорту молодежи призывного возраста в область девиантных взаимодействий, фактически толкая их на нарушение законодательства.

3. Современное российское информационное пространство, представленное многочисленными традиционными и мультимедийными СМИ, а также системой формального и неформального общения субъекта, как ресурс, из которого молодой человек черпает инструментальные сведения, необходимые для осуществления адекватных социальных взаимодействий, также отнюдь не способствует формированию

⁴⁶ См.: Отчет о результатах глубинных интервью Армия и общество, Москва, 2007 год. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: http://www.nikkolom.ru/marcing/nik_mar_pr_arm1.htm.

⁴⁷ См. там же.

актуальных ценностей гражданского долженствования. Доминирующими темами в информационном пространстве стали многочисленные негативные моменты, «отражающие существо» армейской жизни. Так, темы расцвета «дедовщины», неуставных отношений в армии, крайне тяжелых бытовых условий службы, массового бегства солдат из-за жестокого с ними обращения - достаточно активно развиваются как СМИ, так и целым рядом общественных и политических организаций, среди которых наиболее активную позицию занимает Союз (комитет) солдатских матерей. Низкая боеспособность армии иллюстрируется большим количеством фактологического материала (полет Руста; провалы в чеченских войнах, особенно на первых этапах военных действий; неудачные пуски ракет; коррумпированность армии и т.д.) Данная тематика представляет собой сферу особых интересов СМИ, закономерно более всего интересующихся чрезвычайными происшествиями, «горячими» фактами и т.д.

Чрезвычайно тревожным является тот факт, что в колоссальном вале этого, ярко преподнесенного, негатива порой просто теряются сюжеты, повествующие о реальных подвигах военнослужащих и развитии тех или иных армейских структур и инфраструктур. Что же касается медийных трансляций военно-патриотической направленности, то, во-первых, по коммуникационным канонам они малопривлекательны, ибо плохо отрежиссированы; а, во-вторых, их просто очень мало.

Таким образом, под воздействием негативно ориентированного информационного прессинга и сложившейся практики субъект-объектных и субъект-субъектных отношений происходит постепенное разрушение или вытеснение прежних стереотипов восприятия армии. Несмотря на прочность былых стереотипов, постоянный поток аттрактивной информации достаточно серьезно подорвал престиж и авторитет этого

социального института, что и нашло отражение в отнюдь не самом благостном отношении молодежи к армии⁴⁸.

В этих условиях имеет смысл говорить о различных проявлениях *антиармейского информационного терроризма*, как о факторе, подрывающем саму основу подготовки граждан к призыву на военную службу.

Столь явное интенциональное обострение сути сложившейся ситуации на уровне определения одного из детерминирующих ее (ситуацию) факторов, на наш взгляд, вполне оправдано. Дело в том, что до сих пор нет четкого определения понятия информационного терроризма, что является одной из причин того, что этот термин отсутствует в концепциях, законах, других нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность СМИ и субъектов, заказывающих трансляцию тех или иных информационных блогов, технологий и PR-акций, проводимых в рамках того или иного информационного поля.

Информационный терроризм, на наш взгляд, следует понимать в качестве особой формы манипуляции сознанием граждан. Он является латентным принуждением к принятию определенной точки зрения и представляет собой намеренное или непреднамеренное распространение информации о негативных по своим последствиям актах и других явлениях, угрожающих стабильности социального самочувствия и искажающих процесс общественной самоидентификации человека на фоне объективно значимых траекторий социального долженствования. Это наносит существенный вред потребителям данной информации и

⁴⁸ Эти и некоторые другие вопросы, во многом обуславливающие проблему государственной безопасности, представлены в статье: Редюшев, А.А. Внешняя и внутренняя безопасность России: аналитический аспект // Проблемы региональной экономики. 2010. № 1/2. С. 85-90.

создает предпосылки для формирования гипертрофированных ценностей и проявления девиантных форм поведения субъекта.

Свое особое содержание имеет тот вид информационного терроризма, который оказывает подрывное воздействие на подготовку молодежи к военной службе. Именно этот вид правомерно считать антиармейским информационным терроризмом.

Антиармейский информационный терроризм – это подрыв и ослабление всех элементов формирования у граждан пригодности к военной службе по призыву через принуждение молодежи к уклонению от службы и от подготовки к ней устрашением угрозами прохождения военной службы⁴⁹.

Приведенное определение свидетельствует о том, что информация такого рода, в определенном смысле, делает объект подготовки к службе не только инертным, неподдающимся влиянию традиционных средств, но и сознательно, упорно уклоняющимся от необходимого обучения и воспитания. Подготовка к военной службе по отношению к гражданам, подвергшимся информационному устрашению угрозами прохождения военной службы, не дает необходимых результатов⁵⁰.

Все приведенные обстоятельства не могут не сказываться на отношении молодых людей к службе в армии и на качественных характеристиках последней.

На сегодняшний день призывной контингент составляет около 1700 тысяч человек. Это 18-27-летние молодые люди, не служившие в армии. Ежегодно призывается около 400 тысяч человек (19,7% от призывного контингента), в то же время Министерство обороны заявляет о потребности силовых структур в призыве порядка 500 тысяч человек.

⁴⁹ См.: Коряковская Д.А. Подготовка граждан Российской Федерации к военной службе в условиях информационного терроризма. Автореферат диссертации на соискание уч. степ. канд. полит. наук. М., 2004. С. 17.

⁵⁰ См.: там же. С.18.

Количество студентов, пользующихся отсрочкой от призыва - 65%. Количество граждан, освобожденных от военной службы, составляет 15,3%. Из года в год растет число юношей, не являющихся на призывные пункты: если в 1985 году от призыва уклонилось 43 человека, в 1995 году уже более 30 тысяч; а в 2006 году - 31 тысяча молодых людей, из которых 9,5 тысяч - в Москве, 5 тысяч - в Санкт-Петербурге⁵¹.

Приведенные данные ярко свидетельствуют о том, что происходит дальнейшее снижение престижа военной службы среди призывной молодежи. Более половины из числа молодого пополнения считает службу в армии неблагоприятной повинностью, которую следует выполнять лишь в силу уголовного преследования. Каждый десятый заявил о том, что служить не желает и при удобном случае будет стремиться уклониться от выполнения военной обязанности.

В качестве основных причин, формирующих негативное отношение к службе в Вооруженных Силах, большинство призывников называют: принижение значимости военной службы в государстве, "чеченский синдром", боязнь "дедовщины" и трудностей, обусловленных спецификой жизнедеятельности армии и флота⁵².

Аналогичную ситуацию фиксируют и результаты других многочисленных исследований⁵³.

⁵¹ См.: Социальная политика в России // Доклад Центра экономических и политических исследований. 2007. №5 (29) ноябрь-декабр. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://www.yabloko.ru/Themes/Social/mol-ros.html>.

⁵² См.: там же.

⁵³ См., например: Молодежь и будущее Вооруженных Сил // Сборник материалов "круглого стола" (Государственная Дума РФ, 19 декабря 2002 года). Информационно-аналитическое издание / Общая редакция, составление: С.А.Байкин. М.: Фонд "Мир семьи" Издание Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации Правительства Москвы, 2003. – С. 69; Перфильев С., Филатов Д. Армия — хорошая школа жизни, которую лучше пройти заочно? Провинциальная российская молодежь о всеобщей воинской повинности. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://www.regioncentre.ru/resources/books/drug/drug26>.

Итак, прохождение всеобщей воинской повинности сейчас за редким исключением воспринимается «как обязанность», бессмысленная и обременительная. Для молодых людей вопрос срочной службы является очень болезненной темой. Большинство из них не «горят» желанием идти в армию. Общее мнение всех опрошенных групп: «служить должны те, кто хочет, не надо никого заставлять, каждый должен сам сознательно выбирать, чем он будет заниматься». Респонденты говорят также об отсутствии какой-либо общей цели, идеи службы, ради которой многие с гордостью служили в армии СССР.

Эти отношенческие феномены во многом обусловлены все возрастающей имущественной дифференциацией современного российского общества. Указанные причины приводят к тому, что большинство призывников стараются избежать службы в армии, «закосить» от нее. Призывники, собирающиеся идти сегодня в армию, делают это явно без настроения. Они с нежеланием говорят о своем решении, объясняя выбор службы своим долгом (!). Массовое стремление призывников уклониться от службы в армии практически не вызывает осуждения у молодежи. Даже отслужившие срочную службу относятся к данному явлению равнодушно. Именно такие выводы позволяет сделать анализ фактологического материала, представленного в указанных источниках.

Результаты этих исследований еще раз подтвердили тот факт, что у российской молодежи сформировалась прочная отрицательная установка по отношению к всеобщей воинской повинности. Мнение о ненужности, более того, бессмысленности призыва разделяется всеми группами молодежи. Реальный выход из сложившейся ситуации большинство респондентов видит в переходе армии на контрактную основу комплектования личного состава. Эта же тенденция фиксируется

большинством социологических исследований, которые были обобщены авторами книги «Социология армии»⁵⁴.

Судя по представленным здесь данным, отношение наших сограждан к армии, ее роли в российском обществе и ее сегодняшним проблемам отличается парадоксальностью. С одной стороны, четко фиксируются «точки согласия»: представления о принципиальной нужности армии, о ее роли в обществе (защита и создание чувства защищенности у людей), о необходимости ее реформирования, признание актуальности проблем неуставных отношений, недофинансирования, отсутствия современной техники, социального расслоения среди офицерского состава и т.д. С другой стороны, обнаруживаются «точки поляризации» мнений: готовность или неготовность служить в армии, склонность осуждать или сочувствовать уклоняющимся от призыва или оставившим свои части солдатам и т.д.

Довершают картину мнений об армии «ментальные псевдо-лакуны» — области субъективного опыта, относительно которых люди обнаруживают определенную компетентность и сформированность представлений, но которые в то же самое время не являются составной частью мобилизованного «армейского» дискурса и не участвуют в качестве значимых факторов в выведении оценок и обосновании позиций. Это — воровство в армии, использование солдат в качестве дешевой рабочей силы, тяжесть военных расходов для российского бюджета, недоверие высказываниям военных о делах или о ситуации в вооруженных силах и т.д.⁵⁵.

Представленный в таких абрисах срез общественного мнения имеет, на наш взгляд, вполне объективное объяснение. Это *проявление некоего протеста против унификации обществом его членов, которое*

⁵⁴ См.: Серебрянников В., Дерюгин Ю. Социология армии. М.: ИСПИ РАН, 1996.

⁵⁵ См.: Служба в армии 24.10.2007. Отчет [Опрос населения]. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_arm/dd024227.

«выстраивает», «дрессирует» индивидов в соответствии со своими задачами. В качестве рычага управления здесь используется дисциплина. Эти и другие задачи общество способно решать не только посредством правовых, но и дисциплинарных регуляторов. Более того, дисциплинарные регуляторы способны дискредитировать правовые⁵⁶.

Комментируя данное высказывание, отметим следующее. *Деятельность человека в этих условиях превращается в ролевую, формально-исполнительскую, слабо связанную с его взглядами, убеждениями, свободой выбора и ценностными ориентациями, которые подчас даже не осознаются. В таких условиях человек некритично принимает насаждаемые извне идеалы.*

Кроме того, в военной службе генерируются проявления «старопрусского духа», в основе которого лежит посыл: «не «Я», но «Мы», коллективное чувство, где каждое отдельное лицо совершенно растворяется. Дело не в человеческой единице: она должна жертвовать собой целому⁵⁷.

Соглашаясь с данной позицией, отметим, что *в этих условиях человек не замечает роли таких анонимных авторитетов, как общественное мнение и здравый смысл, которые именно потому так сильны, что мы готовы вести себя в соответствии с ожиданиями остальных и внутренне боимся как-то отличаться от них. В этих условиях исчезает ригоризм свободы, уступив место иным ценностям, кульминирующим некие проявления долженствования, основанные, как правило, на иллюзорных императивах, суть которых сформулировал Э.Фром. «Мне следует делать то, что делают все, значит, я должен приспособиться, не отличаться от других, не «высовываться». Мне надо быть готовым измениться в соответствии с изменениями образца и желать этого. Не надо задаваться*

⁵⁶ См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2006. С. 248.

⁵⁷ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. О.Шпенглер. М.: Праксис, 2002. С. 52

вопросом, прав я или не прав? Вопрос в другом – приспособился ли я, не «особенный» ли я какой-нибудь, не отличаюсь ли. Никто не властен надо мной, кроме стада, частью которого являюсь я и которому я, тем не менее, подчинен»⁵⁸.

Высказанные более века назад позиции мыслителя и сегодня достаточно четко иллюстрируют выделенную ранее причинно-следственную связь между приведенными нелицеприятными факторами состояния российской армии, существенно усугубленными в сознании молодежи проявлениями «информационного терроризма», и выраженным негативным отношением призывников к выполнению воинского долга.

Указанный отношенческий феномен фундируется еще и следующими обстоятельствами. В дисциплинарном пространстве армии позиция отдельного человека оказывается выключенной, оттесненной социальными практиками. Формы силового воздействия и реакции выстраиваются на определенных точках институциональных концентраций, принимающих вид дисциплинарных практик. Индивиды, попадающие во властное силовое поле, лишаются статуса уникальности, они должны быть соответствующим образом упорядочены и нормализованы. Но если в рамках раннего модерна такая ситуация не вызывала особого беспокойства у человека, так как он идентифицировал себя главным образом с коллективными формами идентичности (Мы-идентичность), то для современного человека, предпочитающего индивидуальные идентичности, такая ситуация оборачивается утратой смысла и аномией.

М. Фуко, говоря в своих поздних работах о кризисе дисциплинарного общества, отчетливо понимал тот факт, что модернистская дисциплинарность в форме армии или тюрьмы во многом

⁵⁸ Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 179-180.

входит в противоречие с существующей ритмикой современного общества. Его концепция показывает, что современному человеку, находящемуся в рамках этого пространства, очень трудно вписать свою идентичность в однообразную, унифицирующую социальность, развитию которой не способствует ни дисциплинарное, ни коллективистское общество.

Ранее между армией и обществом не существовало значительного разрыва в социальных технологиях. В армии воспитывался человек, предназначенный, как и на гражданке, служить, подчиняться, проявлять лояльность, знать свои права, но не зарываться и не считать никогда себя равным настоящим хозяевам жизни⁵⁹. Теперь, однако, уже практически нет того человеческого контингента, к которому были бы применимы эти социальные технологии⁶⁰.

Таким образом, армия, в своих традиционных импликациях, больше не является концентрированным выражением современного ей общества. В этом и состоит важнейшая социальная проблема, связанная не столько с неразрешенными противоречиями в поиске форм и канонов ценностной идентификации современных призывников, сколько с инициацией гораздо более масштабного процесса – реформацией и трансформацией основных порядков идентичности всей системы Вооруженных сил в ее институциональных функциях и признаках.

Армия, оставаясь дисциплинарным пространством и в современном индивидуализированном обществе, по-прежнему предполагает подмену «Я-сингулярности», обладающей собственной интенсивностью, «Я-формой», внешне, снаружи определенной. Происходит изъятие собственной воли «Я» как события, и на ее месте начинают разворачиваться «...совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и

⁵⁹ Фишман Л. Можно ли вернуть армию в общество? // Свободная мысль. 2009. № 3. С. 28.

⁶⁰ Там же, С. 23.

точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела»⁶¹.

Очевидно, что в этих условиях, во-первых, в силу указанных выше причин, не могут не распространяться и не процветать различные девиации, основанные на коррупционных связях, образующих целостные структуры, которые порой существенно девальвируют и дискредитируют целевые функции рассматриваемого социального института. Кроме того, аттрактивность указанных тенденций являет собой существенный аргумент в пользу высказанного выше положения о *способности дисциплинарных регулятивов в армии дискредитировать и заменять правовые*. Во-вторых, эти девиации, актуализированные СМИ и кульминированные журналистами через посредство различных приемов «преодоления информационного шума», находят отражение в сознании молодежи в форме антиармейских настроений, обуславливая их социальные преференции в целом и формы гражданского долженствования – в частности.

Эти обстоятельства, к сожалению, не оставляют надежд на проявление в ближайшее время позитивных, социально ориентированных императивов в сознании призывников, ибо представители самой социализирующей системы пока не являются в должной мере носителями инструментальных ценностей социального и гражданского долженствования.

Резюмируя содержание этой главы, позволим себе сделать ряд выводов.

Идентичность является одним из важнейших механизмов субъектного освоения социальной действительности человеком, лежащего в основе формирования системы собственных смыслов. Важнейшей тенденцией развития идентичности в современном обществе является

⁶¹Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 43.

вытеснение различных форм коллективной «мы-идентичности» формами индивидуальной идентичности - «я-идентичность», что является следствием развития индивидуализма в современном обществе.

Данная форма самоидентификации субъекта представляет собой социальный феномен, по своим проявлениям граничащий с эгоизмом и нарциссизмом, который мы и обозначаем как современный индивидуализм. Следствием его развития является то, что индивидуальное «Я» современного молодого человека оказывается лишенным «Мы», что ведет к потере социальной индивидуальности, ибо если не существует понятия «Мы», то невозможно и понятие «Я».

В итоге мы наблюдаем кризисные проявления процесса самоидентификации современной молодежи, первым следствием которого является нивелировка ценностей социального должностования, что существенно гипертрофирует формы субъектного проявления человека в структуре общественных взаимодействий. В этих условиях становится все более проблемным согласование разнонаправленных интересов не только на субъект-объектном уровне (социальный институт – личность), но и на уровне межличностных отношений, ибо утрачиваются ранее устойчивые формы преемственности в воспроизводстве ценностных предпочтений, продуктивных стереотипов консолидированного взаимодействия, традиций.

Таким образом, коллективная идентичность представляется апористичной и заменяется в сознании молодежи индивидуальной, ибо сама современная социальная обыденность провоцирует замену в сознании людей гетерономного определения социального положения (статуса, функции, роли) индивидуальным самоопределением на основе указанных выше ценностных ориентаций. В силу именно этих причин сейчас и происходит тотальная вивисекция инструментальных ценностей и разнообразных форм самоидентификации молодежи, что, безусловно,

подрывает основания российской социальности и ограничивает перспективы ее развития.

Создание в стране новых нестабильных социально-экономических условий, сопровождающихся утверждением принципов индивидуализма и противоречивостью во взглядах, привели к разобщенности ценностных ориентаций в различных социальных группах и, в первую очередь, среди молодежи.. Ее представители в подавляющем большинстве видят свои перспективы только в разрезе реализации личных интересов и потребностей преимущественно статусного или материального плана. При этом, ценности долженствования и гражданственности порой вообще не рассматриваются, либо фиксируются в качестве раздражающих факторов – неких антиподов сложившимся у большинства молодежи ценностным представлениям.

Указанные отношенческие стереотипы имплицитно существуют в сознании, в первую очередь, молодежи призывного возраста, в силу того, что именно им в скором времени предстоит включиться в специфические взаимодействия в структуре данного института. Более того, все, что связано с призывом на срочную службу (общение с военкомом, медкомиссиями и т.д.), вызывает у большей части молодежи и их родителей ярко выраженную негативную реакцию. Кульминацией совокупности указанных реакций стал следующий неформальный императив – «Армия стала символом уязвленности социального положения подростков и молодежи».

Это является проявлением некоего протеста против унификации обществом его членов, которое «выстраивает», «дрессирует» индивидов в соответствии со своими задачами. Деятельность человека в этих условиях превращается в ролевую, формально-исполнительскую, слабо связанную с его взглядами, убеждениями, свободой выбора и ценностными

ориентациями, которые, подчас, даже не осознаются. В таких условиях человек некритично принимает насаждаемые извне идеалы.

Указанный отношенческий феномен фундируется еще и следующими обстоятельствами. В дисциплинарном пространстве армии позиция отдельного человека оказывается исключенной, оттесненной социальными практиками. Формы силового воздействия и реакции выстраиваются на определенных точках институциональных концентраций, принимающих вид дисциплинарных практик. Индивиды, попадающие во властное силовое поле, лишаются статуса уникальности, они должны быть соответствующим образом упорядочены и нормализованы. Для современного человека, предпочитающего индивидуальные идентичности, такая ситуация оборачивается утратой смысла и аномией.

Таким образом, армия, в своих традиционных импликациях, больше не является концентрированным выражением современного ей общества. В этом и состоит важнейшая социальная проблема, связанная не столько с неразрешенными противоречиями в поиске форм и канонов ценностной идентификации современных призывников, сколько с инициацией гораздо более масштабного процесса – реформацией и трансформацией основных порядков идентичности всей системы Вооруженных сил в ее институциональных функциях и признаках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы отмечаем, что устойчивость социальных систем и организаций зависит не только от материальных факторов, но также и от принципов регуляции ассоциированной деятельности, зафиксированной в виде норм. Последние исторически выступают в качестве основания для социальных регуляторов, таких как законы, мораль, насилие, политика и др. Таким образом, формируется организационный (нормативный) порядок, обеспечивающий коллективные основания общества. В этой связи встает необходимость по отношению к тому или иному члену данного общества мотивировать его участие, включая сюда также его согласие с требованиями данного порядка. Поэтому общество в своем развитии прибегает к миру смысла – осевому центру человеческого бытия, пытаясь актуализировать и утвердить различные нормы и ценности. Ибо уникальная специфика человека и состоит в его способности и возможности ценностного отношения к миру, в способности восприятия социальных норм в качестве ценностей жизнедеятельности, обеспечивающих возможность согласования разнонаправленных интересов людей и консолидации их усилий. Это и делает необходимым различные формы долженствования. Понимание последних имеет различные вариации, но в конечном итоге они являются производными от понятия «долг».

Если человек применяет долженствование к самому себе, то мы приходим к понятию внутреннего долга, для которого ответы на вопросы: «что делать?» и «каким образом?» - совпадают. На основе индуктивного опыта и работающих в конкретном обществе канонов человек выстраивает абстрактный эталон себя. Он стремится с помощью этого пережить определенный род состояний сознания, в которых заключается смысл его жизни. Получается взаимообусловленная структура: с одной стороны,

человек настраивает свою волю в соответствии с абстрактной, с другой стороны, для него смыслом или источником жизнедеятельности является само это соответствие. Такой путь ведет к категорическому императиву И. Канта, который является выражением не зависящего от канонов долженствования принципов применительно к поведению человека.

Обобщая весь массив подходов к категории «долженствование» в истории философской мысли, можно заметить, что если телеологическое долженствование предполагает, что от действий человека зависит его благополучие, причем само понятие блага лежит в основании морали – здесь уместно говорить о моральном долженствовании; тогда как законническое долженствование, напротив, постулирует то, что моральные правила обладают статусом, аналогичным законодательному, и поэтому должны неукоснительно соблюдаться.

Доминирование в европейском сознании законнического типа долженствования привело к тому, что обычные (и неустраимые) термины «следует», «нужно», «должно», «должен» приобрели тот особый смысл, будучи отождествленным в соответствующих контекстах к терминам «обязан», «принужден» или «требуется» в том смысле, в каком некто может быть обязан или принужден законом или нечто может требоваться по закону.

Таким образом, вышеотмеченные типы долженствования предполагают различных субъектов этого процесса. Но, если телеологическое долженствование предполагает в качестве субъекта самого человека, то законническое долженствование транслирует предписания извне, существенно сужая возможности для того, чтобы человек стал его субъектом.

Результаты нашего анализа основных типов долженствования в рамках широкого поля социально-философских концептуализаций свидетельствует о том, что атрибуция долженствования может быть как

внешней (с точки зрения общества), так и внутренней (с точки зрения собственного «я»). По содержанию требований, предъявляемых к человеку как носителю долженствования, она может и не различаться: например, добросовестный труд есть одновременно общественная обязанность и нравственный долг. Но в первом случае подразумеваемым субъектом социального контроля и атрибуции является общество, коллектив, а во втором – сам человек. С точки зрения самосознания, это субъектное различие – перед кем человек отвечает за свои действия – существенно: в первом случае речь идет об обязанности, во втором – о нравственном долге.

Далее, необходимо заметить, что включение категории «долженствование» в проблемное поле социально-философского знания позволяет аргументировано раскрыть структуру, функции, приоритетные направления жизнедеятельности человека и ее идеальные (желаемые) формы. Указанное понимание долженствования, с нашей точки зрения, характеризует этот феномен как один из важнейших способов взаимодействия социальности человека и общества.

Методологическая функция долженствования, на наш взгляд, следует из понимания этой категории, согласно которому долженствование есть необходимый внутренний момент существования деятельности, обладающий сложной структурой и закономерностями своего развития. Как таковой, он включает в себя материальную и идеальную стороны, объективное и субъективное, а также широкий спектр отношений, которые складываются в процессе субъект-объектного взаимодействия в обществе. В силу этого, любое долженствование осмысливается нами как идея некоего действия и, в случае принятия этой идеи – в соответствии с одними желаниями и решениями и вопреки другим – само становится решением. Однако очевидно и противоположное утверждение: человек не может существовать в обществе, не имея

долженствований. Пока он думает, его мысли имеют определённый ход, и значит чем-то и куда-то направляются. Нам непрерывно нужно действовать, нам нужны долженствования, причём конкретные. Но вывести их с помощью формальной логики невозможно. Здесь необходимы апелляции к внешней среде, к социуму, который и устанавливает нормы долженствования.

Далее мы аргументируем тот факт, что во всех ценностях выделяется аспект долженствования. У некоторых он разрастается до яркой и убедительной определенности и именно эти ценности выступают источником долженствования, определяя поведения людей и собственную структуру их ценностных ориентаций, а, следовательно, характер и направления жизнедеятельности. Можно утверждать поэтому, что ценности - это отношение наших желаний, интересов и надежд к явлениям мира в аспекте их должного существования. Иначе говоря, ценности есть явления (предметы, свойства, отношения), имеющие то или иное отношение к развитию человеческого в человеке, к функционированию должного в структуре социального бытия.

Таким образом, человек погружается в силовое поле объектов – значений ценностей (социальных императивов), которое подчиняет его своей логике, диктует ему, как он должен себя вести. И чем больше человек погружается в созданный им мир, тем больше его жизнь определяется многообразными понятиями о том, каким должен быть он сам и этот мир. Значит, основными признаками социального долженствования, с нашей точки зрения, могут выступать: императивность – требование определенного поведения, выполнение предписаний морали; нормативность, которая регулирует отношения людей в обществе; оценочность – определение степени соответствия (несоответствия) отношений, взглядов и поступков людей тем нормам и ценностям, которые существуют в обществе в качестве морально-положительных.

Рассматривая ценности долженствования в системе координат современного человека, мы отмечаем, что современное общество функционирует в модусе непрерывного развития, а действия людей заключаются в ежедневном изменении и пересмотре сложной сети взаимосвязей. Такая динамичность определяет коррекцию ценностных ориентиров, которые интегрируются во все новые формы, подрывая унаследованные правила, вводя новые нормы поведения и пластично оформляя все новые и новые стили жизнедеятельности людей. Такое положение дел с неизбежностью приводит к трансформации форм долженствования и изменению их содержания. Одной из первых жертв в процессе пересмотра форм долженствования, структурирующих жизнь современного человека, оказалась мораль. Современный человек рассматривает себе подобных уже не в качестве уникальных и самоценных личностей, достойных уважения и заботы, а в качестве своеобразных объектов, удовлетворяющих, наряду с прочим, одну из его многочисленных потребностей.

Эти тенденции, ранее зафиксированные в западных обществах, все более рельефно проявляют себя и на российском социальном пространстве, трансформируя систему долженствования человека и привнося в нее новые ценностные предикаты. В силу этого, структура ценностей современного человека в значительной степени определяется позициями индивидуализма, который оказывает фундирующее влияние на изменение форм и ценностей долженствования, делая современные императивные принципы долга маловостребованными со стороны общества и поэтому неэффективными. Опасность индивидуализации проявляется и в том, что развитие этой тенденции устраняет действенность любых форм долженствования, за исключением, пожалуй, долженствования перед самим собой. В такой ситуации обретение общности, сплоченности крайне проблематично, ибо взаимодействия и

отношения людей, воспроизводство жизненных средств, физических и духовных сил человека приобретают не социально направленный, а преимущественно случайностный, вероятностный характер.

Более того, индивидуализация воспроизводит все возрастающий риск, связанный с утратой коллективности, общественности и, наконец, общности, что ведет человеческую экзистенцию к структурному кризису. В этих условиях общественные формы долженствования рассматриваются людьми как нечто наносное, неадекватное реальным абрисам жизнедеятельности.

Таким образом, из российского коллективного «мы» выделилось индивидуальное «Я», приобретшее причудливые формы и обрета при этом новые смыслы, один из которых связан со стремлением реализовать свои потребности путем минимальных собственных затрат.

Рассматривая проблемы самоидентификации современной молодежи на фоне трансформации ценностей долженствования, мы подчеркиваем то обстоятельство, что идентичность – это многоуровневый процесс самоопределения человека, оказывающий важнейшее влияние на социальные практики, в рамках которых индивидуальные и коллективные идентичности реализуют себя, изменяя социальную реальность и субъективные представления человека. Идентичность является одним из важнейших механизмов субъектного освоения социальной действительности человеком, лежащего в основе формирования системы собственных смыслов. Важнейшей тенденцией развития идентичности в современном обществе является вытеснение различных форм коллективной «мы-идентичности» формами индивидуальной идентичности – «я-идентичность», что является следствием развития индивидуализма в современном обществе.

В современном обществе все чаще можно наблюдать феномен развития форм индивидуализма, проявляющихся иначе, нежели в

предшествующие периоды. Данная форма самоидентификации субъекта представляет собой социальный феномен, по своим проявлениям граничащий с эгоизмом и нарциссизмом, который мы и обозначили как современный индивидуализм.

Индивидуальное «Я» современного молодого человека в обществе оказывается лишенным «Мы», что ведет к потере социальной индивидуальности, ибо если не существует понятия «Мы», то невозможно и понятие «Я».

Именно таков пафос современности, когда индивидная самость молодого человека порой не уже не принимает ценностную архаику вчерашнего дня, а новая ценностная система им еще не отрефлексирована в силу ее аморфности. В итоге мы наблюдаем кризисные проявления процесса самоидентификации современной молодежи, первым следствием которого является нивелировка ценностей социального должностования, что существенно гипертрофирует формы субъектного проявления человека в структуре общественных взаимодействий. В этих условиях становится все более проблемным согласование разнонаправленных интересов не только на субъект-объектном уровне (социальный институт – личность), но и на уровне межличностных отношений, ибо утрачиваются ранее устойчивые формы преемственности в воспроизводстве ценностных предпочтений, продуктивных стереотипов консолидированного взаимодействия, традиций.

Указанные противоречия приобретают чрезвычайную актуальность в рамках российского социального пространства, ибо прежние универсальные модели гармонизации взаимоотношений между индивидом и обществом, такие, например, как «социализм», «гуманизм» становятся все менее эффективными, современный молодой человек постоянно пересматривает свою идентичность, не находя, порой, адекватной техники самоидентификации. В данном случае утрачивается принцип

интерсубъективности, а тем самым подрывается всякая иная ценность, кроме ценности утверждения «Я». В силу этих причин коллективная идентичность представляется апористичной и заменяется в сознании молодежи индивидуальной, ибо сама современная социальная обыденность провоцирует замену в сознании людей гетерономного определения социального положения (статуса, функции, роли) индивидуальным самоопределением на основе указанных выше ценностных ориентаций.

Наблюдения за динамикой российской социальности дают основания утверждать, что выход из данного кризисного состояния осуществляется посредством дрейфа в сторону утверждения в сознании людей «универсальных западных ценностей», две из которых, а именно: отказ от наиндивидуальных целей в пользу личностных и принятие социального неравенства как нормального явления, уже стали атрибутом представлений современной молодежи, что сопровождается конфликтом ценностей в процессе их социальной идентификации, разрушающим структуру «социальной ткани» еще не сложившейся структуры гражданского общества.

Закономерно, что в силу именно этих причин сейчас и происходит тотальная вивисекция инструментальных ценностей и разнообразных форм самоидентификации молодежи, что, безусловно, подрывает основания российской социальности и ограничивает перспективы ее развития.

Рассматривая современную динамику системы ценностей молодежи и ее влияние на отношение к воинскому долгу, мы отмечаем, что общественные интересы в структуре ценностных ориентаций современной молодежи ушли далеко на второй план. Приоритетным является достижение личного благополучия и получения удовольствия от жизни, причем, и то и другое неразрывно связано с наличием материальных масс различных форм и порядков, для присвоения (приобщения) которых

допускаются почти все средства. При этом ценности долженствования и гражданственности порой вообще не рассматриваются, либо фиксируются в качестве раздражающих факторов – неких антиподов сложившимся у большинства молодежи ценностным представлениям.

Основываясь на результатах анализа различных срезов общественного мнения современной молодежи, мы обнаруживаем проявления некоего протеста против унификации обществом его членов, которое «выстраивает», «дрессирует» индивидов в соответствии со своими задачами. Деятельность человека в этих условиях, с позиций молодых людей, превращается в ролевую, формально-исполнительскую, слабо связанную с его взглядами, убеждениями, свободой выбора и ценностными ориентациями, которые, подчас, даже не осознаются. В таких условиях человек некритично принимает насаждаемые извне идеалы, не замечает роли таких анонимных авторитетов, как общественное мнение и здравый смысл, которые именно потому так сильны, что мы готовы вести себя в соответствии с ожиданиями остальных и внутренне боимся как-то отличаться от них. В этих условиях исчезает ригоризм свободы, уступив место иным ценностям, кульминирующим некие проявления долженствования, основанные, как правило, на иллюзорных императивах.

Указанный отношенческий феномен фундируется еще и следующими обстоятельствами. В дисциплинарном пространстве армии позиция отдельного человека оказывается исключенной, оттесненной социальными практиками. Формы силового воздействия и реакции выстраиваются на определенных точках институциональных концентраций, принимающих вид дисциплинарных практик. Индивиды, попадающие во властное силовое поле, лишаются статуса уникальности, они должны быть соответствующим образом упорядочены и нормализованы. Для современного человека, предпочитающего

индивидуальные идентичности, такая ситуация оборачивается утратой смысла и аномией.

Основываясь на этих положениях, мы аргументируем тот факт, что армия, в своих традиционных импликациях, больше не является концентрированным выражением современного ей общества. В этом и состоит важнейшая социальная проблема, связанная не столько с неразрешенными противоречиями в поиске форм и канонов ценностной идентификации современных призывников, сколько с инициацией гораздо более масштабного процесса – реформацией и трансформацией основных порядков идентичности всей системы Вооруженных сил в ее институциональных функциях и признаках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989, № 2. С. 26-28.
2. Арон Р. Эссе о свободах: Универсальной и единственной формулы свободы не существует // ПОЛИС (Политические исследования). 1996. №1. С.128-137.
3. Архангельский Л.М. Индивидуальное сознание и моральные ценности // Вопросы философии. №7, 1995. С. 37-49.
4. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М.: Политиздат, 1977. 382 с.
5. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х томах. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997. Т.1. От прошлого к будущему. 804 с.
6. Антисери Дж., Реале Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. 336 с.
7. Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
8. Баруллин В.С. Социальная жизнь общества. Вопросы методологии. М.: МГУ, 1987. 184 с.
9. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь мир», 2004. 188 с.
10. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
11. Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2006. 132 с.
12. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
13. Безклубая С.А. Культурология в системе технического образования: синтез интеллекта и творчества // Социально–гуманитарные знания, 2001. № 5. С.161 – 167.

14. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Седельника, Н.Федорова; Послесл. А.Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
15. Бек У., Лау К. Вторая модерность как предмет изучения: теоретические и эмпирические исследования «мета-изменения» современного общества // Россия в мировой политике XXI в. Россия и современный мир. 2006. № 3. С. 235-239.
16. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. CLXX, 788 с.
17. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Моск. филиал “Интерпартнер-МКС”, СП “МКС Плюс”, 1990. 288с.
18. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.:Наука, 1993. 324 с.
19. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино. 1995. 168 с.
20. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006.
21. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 101 с.
22. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
23. Буюева Л.П. Человек, деятельность и общение. М.: Мысль 1978. 256 с.
24. Богомолов А.С. Буржуазная философия США XX века. М.: Знание, 1974. 292 с.
25. Бруннер Карл. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Мир человека. 1993. Т.1, вып. 3. С.51-72.
26. Бурдьё П. Социология политики./ Пер.с фр. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
27. Бурдьё П. Начала: Choses dites. М.: Socio-logos. 1994. 288 с.

28. Бызов Л. От кризиса ценностей к кризису институтов // Свободная мысль, 2008. № 4. С. 35-45.
29. Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века // Вопросы философии. 1991. №8. С. 25-40.
30. Василенко В.А. Ценность и ценностные отношения // Проблема ценностей в философии. М.-Л.: Наука, 1966. С.41-49.
31. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.
32. Веблен Т. Теория праздного класса. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 178 с.
33. Виндельбанд В. Нормы и законы природы // Избранное: дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 184-209.
34. Виндельбанд В. О принципе морали // Избранное: дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 231-253.
35. Виндельбанд В. О свободе воли. М.: Наука, 2000. 286 с.;
36. Виндельбанд В. Прелюдии. СПб.: Наука, 1964. 322 с.
37. Гаджиев К.С. Размышления о свободе // Вопросы философии. 1993. №2. С.33-46.
38. Гаджиев К.С. Эпоха демократии? // Вопросы философии. 1996. №9. С.3-22.
39. Галимуллин Р.Х. Управление конфликтами в вооруженных силах: Теория и практика / Р.Х. Галимуллин: дисс. канд. социол. наук. Казань, 2003. 193 с.
40. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Академ.проект, 2008. 766 с.
41. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 525 с.
42. Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
43. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь мир», 2004. 120 с.

44. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.;
45. Гончаров, В.В. Укрепление обороноспособности Российской Федерации как перспективный приоритетный национальный проект // Национальные интересы. 2010. №1. С.14-18.
46. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. М.: «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига»; СПб.:Terra Fantastica, 2004. 602 с.
47. Грэй Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. 268 с.
48. Гусейнов А.А. Античная этика. М.: Гардарики, 2003-270 с.
49. Давыдов В.В. Теория деятельности и социальная практика // Вопросы философии. 1996. №5. С.52-62.
50. Джохадзе И.Д. Демократия после модерна. М.: Праксис, 2006. 112 с.
51. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: «Танаис», 1995. 638 с.
52. Дробницкий О.Г. Моральная философия. М.: Гардарики, 2002. 523 с.
53. Дробницкий О.Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974. 388 с.
54. Дьюи Дж. Либерализм и социальные действия. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: http://grachev62.narod.ru/Hrest_/Dewey.html.
55. Дьюи Дж. Индивидуальная психология и воспитание. [Электронный ресурс] Электрон. дан. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/dewey.html>.
56. Добницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблема ценностей в философии. М.-Л.: Наука, 1966. С.25-40.
57. Дюркгейм Э. Ценности и реальные суждения // Э. Дюркгейм. Социология, ее предмет, метод, назначение. / Пер. с фр. М.: «Канон», 1995. С.286-304.

58. Ефремов И.И. Авторитет как феномен общественной жизни и его проявление в вооруженных силах: Социально-философский анализ. Автореф. дис. д-ра филос. наук. М., 2005. 51 с.
59. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 35-44.
60. Зиммель Г. Конфликт современной культуры. М.: ЛОГОС, 2001.
61. Зубок Ю. Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодежи в обществе риска. // Безопасность Евразии. 2003. № 3. С. 124-143.
62. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М.: Academia-Наука, 1999. 724 с.
63. Исмагилов Р.Р. Правовой нигилизм и обоснование ценности права: социально-философский анализ. Дисс. канд. филос. наук. Уфа, 2005. 174 с.
64. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 460 с.
65. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 206 с.
66. Каган М.С. Человеческая деятельность. М.: Политиздат, 1974. 328 с.
67. Кант И. Основы метафизики нравственности. Сочинения в шести томах. М.: «Мысль», 1965. Т. 4, ч. 1. С. 219-311.
68. Кант И. Критика практического разума. Соч. в 6-ти томах. М: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
69. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 864 с.
70. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб: Книга Света, 2000. 447 с.
71. Кащенко А. Трансформация социокультурных ценностей постсоветской России как социально-философская проблема //

- Ценностные основания человеческой деятельности: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1999. С.40-51.
72. Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности // Философские науки. №7. 1999. С. 3-13.
73. Кемеров В.Е. Социальная философия. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 384 с.
74. Кнабе Г.С. Корнелий Тацит: Время. Жизнь. Книги. М.: Наука. 1981. 208 с.
75. Кон И. С. Человек в поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
76. Конфуций. Беседы и суждения. СПб.: ООО «Кристалл», 1999. 1120 с.
77. Комутков С.В. Армия в системе государственной власти современного общества: На примере России. Дисс. канд. полит. наук. М., 2005. 166 с
78. Кутлыгин В.П. Классическая социология. М.: Наука, 2000. 526 с.
79. Курочко М.М. Онтологии служения русского воинства. Дисс. канд. филос. наук. М. 2003. 193 с.
80. Культурология XX век: Антология. Аксиология или философское исследование природы ценностей. М.: РАН ИНИОН, 1996. 282 с.
81. Курлов А.Б. Аксиологические основания субъектной деятельности // Материалы Международного научного colloквиума «Либеральные и авторитарные общества». Уфа: Изд-во УГНУ, 2002. С. 85-92.
82. Кэмпбелл Дж. Свобода и сообщество // Вопросы философии. 1992. №12. С.112 – 126.
83. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // СОЦИС. №4.1996. С.3-19.
84. Лапин Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // СОЦИС. №2. 1994. С.343.

85. Левицкий С.А. Трагедия свободы. М.: «Канон+», 1995. 512 с. (История философии в памятниках).
86. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980. 366 с.
87. Леонард М. XXI век – век Европы. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 250 с.
88. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. №4. 1987. С.12-29.
89. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
90. Либерализм в России. М.: Институт философии РАН, 1996. 451с.
91. Лурье С.Я. Демокрит: тексты, перевод, исследования. Л., 1970.
92. Макинтайр А. Императивы, причины действия и этика // Логос. 2008. №1. С. 138-149.
93. Марков Б.В. Между индивидуальностью и субъективностью // Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб.: «Владимир Даль», 2002. С. 409-471.
94. Магарил С.А. Интеллигенция и будущее России // Социально – гуманитарные знания. 2003. № 4. С. 20 – 31.
95. Марк Аврелий Антонин. Размышления. Л.: «Наука», 1985. 246 с.
96. Маркс К. Капитал. Том первый. Книга I: процесс производства капитала // Маркс К. и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Издательство политической литературы, 1960. Т. 23. 900 с.
97. Мизес Л. фон. Либерализм в классической традиции. М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001. 239 с.
98. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
99. Модернизация в России и конфликт ценностей. РАН Институт философии. М., 1994. 244 с.

100. Моральные ценности и личность. М.: Изд-во МГУ, 1994. 176 с.
101. Мысливченко А.Г. Человек как предмет философского познания. М.: Мысль, 1972. 190 с.
102. Нагапетян Е.Н. Социальная концепция долженствования в эстетической деятельности // Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. соц. наук. Омск, 2006.
103. Нерсисянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2003. 652 с.
104. Нерсисянц В.С. Сократ. М.: Наука, 1980. 152 с.
105. Николов Л. Структуры человеческой деятельности. М.: Знание, 1983. 189 с.
106. Нибур Х.Р. Средоточие ценности // В кн.: Культурология XX век: Антология. Аксиология или философское исследование природы ценностей. М., ИНИОН, 1996. 160 с.
107. Ницше Ф. Веселая наука. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 491-720.
108. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Сочинения в двух томах. М.: Издательство «Мысль», 1990. Т. 1. С. 231-491.
109. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М.: ТОО «Транспорт», 1995. 300 с.
110. Осика Ю.Л. Насилие: опыт тематизации за пределами микрофизики власти // Революция и современность. Сборник, посвященный памяти доцента кафедры социальной философии и философии истории Почепко В.А. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 149-153.
111. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. 352 с.
112. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.

113. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ.проект, 2002. 880 с.
114. Пугачев В.П. Управление свободой. М.: КомКнига, 2005. 272 с.
115. Редюшев А.А. Внешняя и внутренняя безопасность России: аналитический аспект // Проблемы региональной экономики. 2010. № 1/2. С. 85-90.
116. Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб. «Владимир Даль», 2002. 473 с.
117. Риккерт Г. Философия жизни. М.: ХАРВЕСТ, 2000. 240 с.
118. Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, долженствование // Правоведение. 2001. № 6. С. 13-19.
119. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. М. : Наука, 2007. 640 с.
120. Сенека Л.А. О гневе. О гневе II, 28 // Сенека Л. А. Философские трактаты. СПб.: «Алетейя», 2001. С. 103-180.
121. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: «Логос», 2002. 424 с.
122. Серебрянников В., Дерюгин Ю. Социология армии. М.: ИСПИ РАН, 1996. 246 с.
123. Социальная философия. Словарь / Сост. И ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. 624 с.
124. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
125. Станкевич Л.П. Проблема ценности личности. М.: Высш. шк., 1987. 134 с.
126. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: «Ками Групп», 1995. 448 с.

127. Субботина Н.Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М.: КомКнига, 2006. 208 с.
128. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб. 2002. 452 с.
129. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 781 с.
130. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: «Изд-во АСТ», 2002. 557 с.
131. Тоффлер Э. Революционное богатство. М.: АСТ, МОСКВА, 2008. 570 с.
132. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
133. Тугаринов В.П. Личность и общество // М.: Наука, 1965. 220 с.
134. Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 156 с.
135. Финогентов В.Н. Философия как мировоззрение человека разумного // Судьба философии в современном мире. Уфа, 2003. 324 с.
136. Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого // Назначение человека. Основные черты современной эпохи. Минск, 1998. 378 с.
137. Фрагменты ранних стоиков. Т.1. Зенон и его ученики. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. 228 с.
138. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
139. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 512 с.
140. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренесанс, 1992. 370 с.
141. Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. 314 с.
142. Фромм Э. Бегство от свободы // Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: «Издательство АСТ», 2004. С. 9-303.
143. Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 5-402.
144. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1989. 559 с.

145. Фуко М. Герменевтика субъекта.: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
146. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Изд. Дом «Касталь», 1996. Т. 2. С. 271-306.
147. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
148. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975/1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
149. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 474 с.
150. Филиппов С.В. Армия и гражданское общество: Актуальность проблемы взаимодействия в условиях российских трансформаций. Дис. канд. полит. наук.
151. Фрагменты ранних стоиков. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. Т. I. Зенон и его ученики. 229 с.
152. Фишман Л. Можно ли вернуть армию в общество? // Свободная мысль. 2009. № 3. С. 21-33.
153. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. 416 с.
154. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность // Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМІ. Издательский центр Academia, 1995.
155. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: «Весь мир», 2002. 144 с.
156. Хейзинга Й. Homo ludens: опыт определения игрового элемента культуры // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 12-343.
157. Хилл Т.И. Современные теории познания. М.: Мысль, 1965. 344 с.

158. Холмс Д. Нарциссизм. М.: ООО «Издательство Проспект», 2002. 80 с.
159. Хомски Н. Классовая война: Интервью с Дэвидом Баграмяном. М.: Праксис, 2003. 336 с.
160. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М-СПб.: «Медиум», «Ювента», 1997. 311 с.
161. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999.
162. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: УРСС, 2000. 288 с.
163. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М.: Республика, 1992. 166 с.
164. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002. 240 с.
165. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
166. Цицерон М.Т. Об обязанностях // Древнеримская философия. От Эпиктета до Марка Аврелия. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 255-381.
167. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 336 с.
168. Энском Э. Современная философия морали // Логос, 2008 № 1. С. 70-92.
169. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: «Наука», 2002. С.5-441 с.
170. Юм К. Трактат о человеческой природе. О познании. Об аффектах. О морали. М.: «Попурри», 1998. 720 с.
171. Якобс В. Происхождение зла и человеческая свобода или трансцендентальная философия и метафизика // Вопросы философии. 1994. №1. С. 102-110.
172. Berlin Isaiah. Two Concepts of Liberty // Berlin I. Four Essays on Liberty. London, Oxford Univ. Press, 1969, P. 121-172.

173. Covell F.R. Values in human society. The contributions of Pitirim A. Sorokin to sociology. Boston, 1970. 49 p.
174. Knight F. Risk, Uncertainty, and Profit. Boston. Houghton Mifflin Co. 1921. P. 210-235.
175. Hartman Robert S. The structure of value: Foundations of Scientific Axiology. 1967. 348 p.
176. John Dewey, Theory on Moral Life. New York: Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1960. 141 p.
177. Mills C.W. White Collar: The American Middle Classes. New York. Oxford. Galaxy Book. 1956. P. 3-59.
178. Earl R. What is Society? : Reflections on Freedom, Order, and Change. Pine Forge Press. Thousand Oaks. 1994. 119 p.
179. Friedman Milton. Capitalism and Freedom / With the assistance of Rose D. Friedman. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1982. 202 p.